

ОЛЬГА САВЕЛЬЕВА

мотивирующий лектор, блогер, автор бестселлеров

Повезло

80 терапевтических
рассказов о любви,
семье и пути
к самому себе

Ольга Александровна Савельева
Повезло. 80 терапевтических
рассказов о любви, семье
и пути к самому себе
Серия «Записки российских блогеров»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64458202

*Повезло. 80 терапевтических рассказов о любви, семье и пути к самому себе: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118340-0*

Аннотация

Помните, как в детстве мы подкладывали монетку под пятку перед экзаменом, а после получения заветной «пятерки» счастливо выдыхали: «Повезло!»? Этот сборник – ваш счастливый пятак. Только не для экзамена по математике, а для другого, более важного, который мы сдаем всю свою жизнь. Экзамена под названием «счастье».

Ольга Савельева – мотивирующий лектор, блогер и автор – заботливо собрала в издании любимые рассказы читателей. Они согреют изнутри, помирят тех, кто в ссоре, помогут найти силы и вдохновение в минуты слабости и научат встречать каждый день с улыбкой.

В сборнике вы найдете рассказы из уже полюбившихся бестселлеров, а также шесть бонусных историй, написанных специально для нового издания.

P.S.: Осторожно: чрезмерное чтение Ольги Савельевой вызывает привыкание!

Содержание

Введение	6
В мире людей	8
Витамины	9
Нормально	16
Герань	26
Невозможно	35
Пират	38
Гвоздь	43
Епитимья	47
Севочка	56
Гордей	66
Важное письмо	79
Путь к себе	83
Книга	83
Творог	92
Корпоратив	102
Границы	109
Свой собственный	114
Эверест	121
Ждать	133
Замечать хорошее	140
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ольга Савельева
Повезло. 80
терапевтических
рассказов о любви, семье
и пути к самому себе

© Савельева О.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Введение

Когда мы придумали эту книгу, долго подбирали к ней название. У нас было много вариантов. Например, «Витамишки» – ведь каждый рассказ дает заряд бодрости и жизнелюбия. Или «Винегрет» – потому что внутри намиксовано много рассказов на разные темы. Или «Ассорти» – тут собраны лучшие произведения из моего пятилетнего творчества.

Потом нам захотелось подчеркнуть, что это такая... радостная книжка, и мы придумали несколько вариантов названия про счастье: «Рецепт счастья», «Счастье в ладошке», «Индекс счастья», «Навигатор счастья».

Но вот той самой искры, чтобы всем в команде понравилось, никак не случалось. Мы кивали и говорили: «Ну, еще подумаем».

Я пришла домой сосредоточенная. Стала готовить ужин, пересолила котлеты, пролила компот.

– Что-то случилось? – спросил муж.

– Нет, просто никак не придумаем название для книги. Вот я и расстроена...

– Почему расстроена? – не поверил муж. – Да ты хоть понимаешь, что выходит твоя восьмая книга! Ты хоть осознаешь, как тебе повезло!?

– Да, мне повезло... – я растерянно мешала салат. – Да, повезло... ПОВЕЗЛО-О-О!!!

Вот оно, бинго! ПОВЕЗЛО!

Мне правда очень повезло, в моей жизни есть столько всего, о чем хочется писать: семья, счастье, творчество, друзья-витамины.

А теперь вот и моя восьмая книга, которую, вы, судя по всему, только собираетесь прочесть. Мне очень хочется верить, что вам с этой книгой повезло не меньше, чем мне, и она вас не разочарует.

И мой любимый жизненный слоган: «Нам – по пути», теперь приобрел себе конкурента: «Нам – повезло!».

В мире людей

Витамины

Мою лучшую подругу зовут Оля, она стюардесса. Такая стройная, красивая, неприступная. Вот там, говорит, запасной выход. Кислородную маску, говорит, наденьте на себя, а потом на ребенка. Курица, говорит, или мясо. Вечером, говорит, я занята. А спрашивают, кстати, многие, в основном на английском. Оля летает на международных рейсах. Это престижно, и она заслуживает.

– Ты где? – спрашиваю.

– В Торонто, – говорит и фото шлет.

– М-м-м, – говорю.

А что еще сказать? Я не была в Торонто... В энциклопедии на букву «Ц» напротив слова «целеустремленность» должна быть размещена Олина фотография. Она десять лет назад четко сформулировала свои жизненные цели: хочу двоих детей и летать. В смысле стюардессой. Оказалось, что в этих мечтах зашито противоречие. Родив двоих девочек, Оля весила центнер и была размера 52–54. Как-то на пикнике она, пухлая, с большим круглым подушечным животом, надувала детям большой мяч, на что мой муж, наблюдавший за этой картиной, скептически заметил: «Вообще не понятно, кто кого надувает...» Мы хохотали до икоты.

Оля выяснила, что в стюардессы можно до 30 лет и если ты максимум 46-го размера. Ну, чтобы в проходе не застрять.

Оля посчитала, сколько времени ей осталось на реализацию мечты – до первого этапа собеседования в заветной авиакомпании оставалось неполных четыре месяца. А потом поезд уйдет. Точнее, самолет улетит. Без нее...

За 100 дней Оля похудела на 40 килограммов и выучила английский. Сожгите все свои книги по мотивации, давайте я вас с Олей познакомлю?

В день экзамена она позвонила мне и напряженно сообщила:

– Прикинь, у меня ветрянка...

Я присвистнула:

– В чем она выражается?

– Вся в пятнах, температура под 40.

– И на лице тоже?

– Все ши в крапинку.

– Тебе нельзя ехать, – неуверенно сказала я.

Оля хмыкнула. Она проделала изнуряющий путь, и сойти с дистанции у финиша – это не про нее.

– Ты болела ветрянкой? – спросила Оля.

– Да, в детстве.

– Значит, я для тебя не заразна. Отвези меня туда, пожалуйста. Чтоб я народ не позаражала в транспорте. Офис в районе метро «Аэропорт». Там зайди на экзамен и спроси: есть кто-то в комиссии, кто не болел ветрянкой?

Мы поехали вместе. Я в качестве водителя, медсестры и поддержки. Оля, бледная, с килограммом тоналки на лице и

заметным ознобом от температуры. Я смотрела на нее, озабоченно повторяющую презент перфект и паст индефенит, и с ужасом понимала, что мы задумали какой-то смертельный номер.

Но это Оля. Ее нельзя остановить, как нельзя остановить поезд на полном ходу. В контексте ее профессии – самолет на взлетной полосе. Она прошла тот первый этап. И второй, и третий. И медкомиссию она прошла. Правда, уже вылечив ветрянку... И вот летает.

ОЛИНУ ФОТОГРАФИЮ МОЖНО РАЗМЕСТИТЬ
ВОЗЛЕ СЛОВА «ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ» В
СЛОВАРЕ. ОНА СКИНУЛА 40 КГ И ВЫУЧИЛА
АНГЛИЙСКИЙ ЗА 100 ДНЕЙ.

Весь мир посмотрела, покорила глобус.

Дружить с ней – это как схватиться за шасси взлетающего самолета и зажмуриться, отдавшись во власть судьбы.

Если я приезжаю к ней в гости, мне сразу хочется спать. Организм дает команду: ты дома! – и переодевается в душевную пижаму. И Олин голос убаюкивает мою вечную внутреннюю тревожность, и мне так хорошо, что хочется крикнуть, как наш учитель танцев: «Так, зафиксировались, зафиксировались!» – и зафиксироваться на Олиной кухне. Оля приветливо суется и пытается накормить самым вкусным.

– Вот, попробуй настоящий швейцарский шоколад. Он невероятный, ничего общего с местным. А вот дынное желе. Это из Китая. Вкусно, правда? А вот кокосовое молоко... С

Мальдив...

Я нигде не была, нигде. Но я пробую на вкус Швейцарию, Китай, Мальдивы и Торонто на Олиной кухне в Рассказовке, потому что Оля любит меня и хочет поделиться со мной всем своим миром. Ей для меня ни капельки Швейцарии не жалко...

А еще у меня есть подруга, которая работает оперуполномоченным. Ну, то есть на передовой человеческих грехов. Она сама маленькая и миниатюрная, а внутри – танк. На вид Дюймовочка, а внутри Маргарет Тэтчер. Ее броня видела все: и трупы, и трагедии, и состояние аффекта. У нее есть присказка: «Человек даже представить себе не может, насколько он слаб».

Когда я ей звоню, она берет трубку и говорит ернически вместо «здрасьте»:

– Ну давай, расскажи мне, как тебе плохо, ага...

НА МЕСТЕ ТРАВМ В ДУШЕ У ЛЮДЕЙ – РУБЦЫ,
ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАЩИТНАЯ ГРУБОСТЬ.

Мы встречаемся с ней очень редко, и это те редкие встречи, когда в разговоре солирую не я. Общение с ней для меня целительно. Я сразу начинаю истово ценить мой мир, в котором много проблем, но нет открытых зияющих ран, пьяных истерик в крови, болезненной ревности до наручников и всего того ужаса, который, как мне казалось, существует только в извращенных детективных сериалах.

Подругу зовут Анжелика. Она не любит свое имя, гово-

рит: «Ну посмотри на меня. Ну где я, а где Анжелика. Анжелика – королева подснежников». Подснежники – это не цветы. Это трупы, которые будут обнаружены весной, когда сойдет снег. Весна, к сожалению, богата на такие букеты. Все зовут ее Лика. Я зову ее Личка. Пишу в Личку, когда мне тяжело. «Ну давай, расскажи мне, как тебе плохо, ага», – пишет она в ответ вместо привет, и я улыбаюсь.

Я выросла в дефиците родительской любви. Это такой тонкий слой личной масляной драмы, размазанный на весь жизненный ломоть... А еще несколько лет назад мои посты в соцсети стала комментировать Лала. Она всегда писала что-то мудрое и нежное. Ее комментарии, как батареечки, непременно согревали меня. Потом мы познакомились с ней и ее семьей. Лала старше меня, возраста моей мамы. Она всегда пишет что-то заботливое. Замерзла? Устала? Как дети? Ты хоть поспала?

Эти вопросы – как плед, накинутый на замерзшие плечи, воплощенная в каждом стежочке забота. Она всегда дарит мне какие-то приятные мелочи – крем, который спасет меня от моих болячек, детям моим – конфеты, которые они любят, всякие нужные книжки и шарфы. И в каждой подарке спрятана любовь. На тебе, Оля, шарфик, не мерзни. И руки помажь кремом, а то кожа сухая. Просто знать, что кому-то не все равно, устала ли я, долетела ли я, успела ли и не сухая ли у меня кожа, – это такое бесценное знание, что я каждый раз благодарю кого-то сверху за то, что послал мне лалу.

У всех людей есть какие-то травмы в душе. Им сделали больно, поранили до крови. Прошло время и подлечило рану. Там теперь рубец. Люди думают, что там, где рубец, кожа прочнее, и часто проверяют ее на прочность, повторно нанося удары в то же самое место. А она не прочнее, просто грубее. Это такая вынужденная защитная грубость.

ПОПРОБУЙТЕ СТАТЬ ВИТАМИНОМ ДЛЯ ТОГО,
У КОГО ПЛОХОЙ ДЕНЬ. ПОДПИТАТЬ И СОГРЕТЬ
ЕГО.

У моей Саши много шрамов. Двое детей с разной инвалидностью, муж, который ушел от нее к мужчине, токсичные родители, раненое детство. И при этом я никогда не видела Сашу в плохом настроении. У нее всегда анекдоты на любой вкус и ситуацию. Я хохочу до икоты, когда слушаю Сашу. Она еще анекдоты умудряется переделывать и рассказывает их с участием реально существующих людей. Получается прямо бомба. На днях я пришла к ней поныть, что вечно хочу как лучше, а получается как хуже. Опять вляпалась в скандал с благотворительностью. А Саша тут же выдает анекдот: Приходит Оля Савельева к доктору и говорит: – Посмотрите, док, что-то у меня в боку колет. – О-о-о, дорогуша, это все ваша благотворительность. Она всегда боком выходит...

И я через пять минут уже смеюсь. Ох, Сашка, как круто, что ты у меня есть... Оля, Саша, Личка, Лала – это мои люди-витамины. Я их бесконечно люблю. У меня на душе мно-

го рубцов, и подруги, каждая из них, очень нежно и деликатно, иногда просто самим фактом своего существования в моей жизни лечат мою душу теплом и участием.

Если вам плохо и внутри зияющая пропасть боли и одиночества, оглянитесь вокруг, поищите в своей орбите свои витамины.

Каждый человек – немножко сатурн. Он – ядро, а вокруг него всегда крутится много разных хороших людей. Среди них непременно есть витамины. Те, кто подпитает вас, когда вам плохо, когда закончились силы идти вперед, и рубец уже прожитой ситуации вдруг воспалился новой болью, и этот нарыв кровоточит, как будто это было вчера...

Оглянитесь и поищите их, этих людей. Они рядом. Кто-то мудрый наверху об этом точно позаботился.

– Саша, – говорю я. – Ты моя витаминка. Аскорбинка.

– Надеюсь, «оскорбинка» не от слова «оскорбить»? – шутит Саша.

Смешная.

Кстати, если у вас все хорошо, то можно стать витамином для кого-то, у кого сегодня плохой день. Это несложно, надо просто искренне захотеть помочь и согреть человека. Иногда для этого достаточно его просто рассмешить или деликатно заглянуть в личку и спросить: «Ты не замерзла?»

Нормально

Один очень важный человек попросил меня об одолжении. Быть полезной такому человеку для меня большая честь, и я охотно согласилась проконсультировать его дочь по хорошо знакомому мне вопросу.

Встречу назначали через него – воспитанного, степенного, солидного, умного человека 55 лет. То есть с его дочерью мы не коммуницировали: он просто прислал ее фото, чтобы мы могли узнать друг друга. Я про нее знала только три характеристики. Имя. Возраст. Сфера деятельности.

Екатерина. 23. Организация мероприятий.

Во-первых, она опоздала на 22 минуты. Это много.

Это целых 22 минуты, которые я провела в раздумьях о том, что уважение чужого времени – это базисная характеристика воспитанного человека. Если, к примеру, я опаздываю на встречу (а мои встречи чаще всего проходят в кафе), я оплачиваю общий счет. То есть плачу и за тех, кто меня ждал. Покупаю себе возможность не чувствовать вину за то, что разбазариваю чужой ресурс – время. Поэтому опоздания мои случаются крайне редко.

Но я очень уважаю отца этой опаздывающей Катерины, поэтому все 22 минуты я искала ей оправдания. И находила – у меня хорошая фантазия. Поэтому к моменту, когда она все-таки пришла, я сумела сохранить отличное настроение.

ние и совершенно искренне приветливо поздоровалась.

Она хмуро кивнула, не извинилась за опоздание. Пришла в плохом настроении. Сухо поздоровалась, уткнулась в меню. Мне стало неловко, сдетонировало раздражение. Мой отличный день напоролся на ржавый крюк ее невоспитанности.

Я все еще продолжала искать ей оправдания. Может, у нее была мигрень? Или изжога...

Я думаю, что каждому из нас свое плохое настроение следует воспринимать как резкий запах пота. Воняешь – сиди дома. Или прими душ и общайся нормально. Никто не виноват в твоём запахе, и никто не должен его терпеть.

Подошел официант.

– Вот это принеси, – она ткнула в меню. – Быстро принеси. И латте, только сразу.

Мои оправдания закончились. Обращаться на «ты» к незнакомому человеку – это хамство. Явное пренебрежение, высокомерие. Я перестала излучать любезность. Посмотрела на нее холодно, с вызовом. Она спокойно встретила мой взгляд. Мы как бы скрестили шпаги.

– Спишь с ним? – вдруг спросила она.

– С кем? – опешила я.

– С моим отцом.

– Нет.

Она выразительно опустила взгляд на мое вполне целомудренное декольте и многозначительно промычала в ответ:

«Ммм». Не поверила. Я была озадачена. Нет, скорее ошеломлена.

– Получила от отца отличные рекомендации про тебя. Говорит, талантливая, умничка, опыт большой. Вот пришла посмотреть, что тут у тебя... большое. Что тут за... умничка.

– Посмотрела? – завелась я. – Можно идти?

– Оу, да мы с характером!

– Послушайте, Катя, – еле сдерживая гнев, произнесла я. – Какое вы имеете право оскорблять меня подобными предположениями? Ваш отец – глубоко уважаемый мной человек...

– Насколько глубоко? – интимно сощурилась она.

– Катя, я обещала вашему отцу, что помогу вам, но я сейчас уйду, не выполнив просьбу.

Подошел официант, принес кофе. Я попросила счет за чай, который выпила, пока ждала Катю.

– Давно у вас? – она внимательно смотрела на меня.

– Давно у нас что?

– Идиотку-то выключи!

– Значит, так, Катя. У нас давно. Мы знакомы года три, и все это время я искренне и глубоко уважаю вашего отца. После этой встречи мне будет это делать сложнее, потому что тот факт, что такая невоспитанная хамка, как вы, – его дочь, не укладывается у меня в голове.

– Понятно, значит, пока не спите. Либо ты недостаточно старалась, либо он стареет. Но он млеет, когда говорит о тебе. Так что пользуйся этим сейчас, пока он на крючке. Он в

принципе щедрый. Попроси у него денег. Он даст. Он тебе и на ботокс даст. Тебе надо. И зубы выпрямишь... Тебе надо.

Я достала из сумки кошелек, положила на стол деньги за чай, подняла на нее глаза и, улыбнувшись, сказала:

– Неприятно было познакомиться. Всего хорошего, Катя. Папе привет.

Встала, застегивая сумочку, сделала пару шагов в направлении гардероба. Но Катя вдруг заговорила:

– У моей матери был инсульт. Лежит, ходит в утку. Речь восстанавливается, но слабо. Афазия называется. Слюна все время течет. Неприятно смотреть. Они прожили вместе 24 года. Он после больницы отправил ее на дачу, а сам в городе живет, с умницами...

Эти слова прилетели мне в спину. Я выгнулась и заставила себя сесть обратно. Слушаю.

У КАЖДОГО СВОЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ,
СФОРМИРОВАННАЯ ЕГО СОБСТВЕННЫМ
ОПЫТОМ И ЗНАНИЯМИ.

– Он и раньше не был образцовым мужем с точки зрения верности. Но раньше, когда мама была в силе, жила своей жизнью, это не было предательством. Он ей купил цветочный магазин, и она с удовольствием занималась своей флористикой. Я понимаю, нельзя, наверное, проспать под одним одеялом 24 года. Но сейчас... Я читала про это, можно после инсульта восстановиться и жить вполне себе полноценно, но она... Она как будто сдалась. У нее речь спутана. Она за ме-

сяц постарела на 30 лет. А он заедет на выходных с нарядной корзиной продуктов, посидит с ней 10 минут и сваливает. А ей из этих продуктов ничего нельзя. Зачем привозит? Прислуга все растаскивает... Курить хочу...

– Катя, послушайте. Я знаю, что такое человек после инсульта. Я лично меняла своей матери памперсы для взрослых. Поэтому позволю себе сказать, что понимаю ваши чувства. В вас сейчас говорит вполне оправданный гнев. Гнев – это необходимая стадия принятия ситуации. За ней еще идет стадия торгов и депрессии. Вам их только предстоит пережить. И только потом принятие.

– Я уже в депрессии.

– Я вижу. Я не могу облегчить ваши страдания. Разве что информацией о том, что действительно не сплю с вашим отцом. Он был и остается для меня хорошим, уважаемым человеком. И то, что я сегодня узнала, не меняет моего отношения к нему.

– Почему? Он бросил маму в беде!

– Он не бросил, Катя. Он поместил болеющего человека в оптимальные условия для выздоровления. На свежий воздух. Обеспечил ему качественный уход. Он внимателен, насколько позволяют условия, и щедр. Ему тоже плохо, Катя. И страшно. Если он лично будет выносить ее утки, это не сделает счастливым ни его, ни – поверьте – ее. Потому что женщине важно быть красивой и желанной в глазах своего мужчины в любой ситуации. Ей будет стыдно, неловко. И ему

тоже. Это увеличит пропасть между ними. Поверьте мне и моему опыту: нанять сиделку – это лучшее, что я могла сделать для своей матери. А он – для жены.

СТЫД – ХОРОШИЙ СИМПТОМ. НЕ ВСЕ,
ЗНАЧИТ, ПОТЕРЯНО.

– Как можно спать с молоденькими профурсетками, когда твоя жена умирает?

– Катя, не надо никого судить. Это его выбор и его ответственность.

– Оу, ты еще и грехи отпускаешь?

– Проще жить, Катя, если взять за основу мысль о том, что «со всеми вокруг все отлично». Вот, к примеру, мы с вами сейчас чай пьем, а где-то сейчас кто-то убивает человека. Потому что где-то война, и кто-то солдат, и это его в каком-то смысле работа – убивать. А я вот не могу убить. У вас своя система координат, сформированная вашими знаниями и опытом. А у солдата – своя. И у вашего отца – своя. И он убивает. На войне – не на войне, но он может убить. И он не становится бракованным только потому, что ваши системы не совпали, понимаете? Потому что на каждом этапе своей жизни мы делаем оптимальный для нас выбор, о котором нельзя жалеть. С каждым из нас, Катя, все в порядке. Каждый выбор поступка – оптимальный. Самый лучший. Единственно возможный. Понимаете? Ну, как бы жизнь задает условия задачи, но решение у задачи – одно. Я знаю женщину, красивую, успешную, но одинокую. Это ее выбор.

Она не строит отношения сознательно, потому что в институте отвергнутый ей поклонник сбросился с многоэтажки. И в ее условия задачи навсегда вошла новая переменная – стресс от осознания, что косвенно из-за тебя умер человек. Со стороны кажется ненормальным, что она одна, но с ней все нормально. Потому что у нее своя задача с единственно верным ответом.

– То есть измена – это нормально?

– Ваша мама вправе не бороться за жизнь. Это ее выбор, это нормально для нее. Но не для вас. Ваш отец вправе спать с кем хочет. Это нормально для него, но не для вас.

– В голове не укладывается. Так можно и маньяка оправдать.

– Можно. Маньяк стал маньяком, потому что в его задаче было именно такое верное решение. Что там, в условиях его задачи, какие переменные? Пережитое в детстве насилие, психическое заболевание, я не знаю. Но маньяк мог стать только маньяком, и он им стал.

– Я пойду перекурю. Подожди меня пять минут. И называй меня на ты, пожалуйста. Катя вернулась, растерянная, смущенная, стала торопливо говорить:

– Знаешь, Оль, мне не нужна никакая консультация. И я ведь не опоздала. Стояла на улице, наблюдала за тобой через стекло. Прикидывала, смогу ли просто войти, плеснуть в тебя чаем и уйти. Но ты все студила и студила свой чай, он явно был горячий, а у меня не было задачи покалечить, только

унизить...

– Я сейчас, видимо, должна сказать тебе спасибо?

– Я рада, что не смогла. Мне очень кстати этот разговор.

– Чтобы узнать, что, возможно, все любовницы твоего отца на самом деле вовсе не любовницы, ну или любовницы, но не его?

– О нет. Кстати, в этом вопросе я не до конца тебе поверила. Точнее, ему. Но это же мое право?

– Твое, – вздохнула я.

– Зато самое ценное сегодня – понять, что со мной все ок. А то у меня последние месяцы было ощущение, что крыша едет...

– Крыша едет – это переменная в твоих условиях задачи.

– Да уж. Слушай, не думала, что скажу это любовнице отца, но спасибо.

– Слушай, если б у меня было чем плеснуть в тебя – я б плеснула, упрямая ты девчонка!

– Меня так папа называет...

Мы встретились глазами. Она выглядела раскаявшейся.

– У тебя чудесный папа, Кать...

– Я знаю.

– Нет, не знаешь. Вот тебе одна история. У мальчика Вити ДЦП. Ему 9, живет в детдоме. Он никогда не ходил. Всю жизнь или лежал до пролежней, или на инвалидном кресле его возили. В Германии есть специальные функциональные ходунки. Для взрослых. Удобные, но дико дорогие. Люди во-

круг устали от больных детей, про которых со всех каналов говорят, их уже не разжалобишь историей Вити. На встречу с твоим отцом я опоздала: как раз от Вити ехала. И просто, извиняясь за опоздание, объяснила, где и с кем была. И он тут же, не зная еще ни меня, ни тем более Вити, проникся и через интернет тут же оплатил ходунки, подгонку индивидуальную и доставку. Через месяц Витя впервые за 9 лет своей жизни сделал свой первый шаг. Благодаря твоему отцу.

У Кати в глазах стояли слезы.

БЫВАЮТ ЕЩЕ НЕРАВНОДУШНЫЕ ЛЮДИ,
СПОСОБНЫЕ ПРОНИКНУТЬСЯ ЧУЖОЙ
ИСТОРИЕЙ И ПОМОЧЬ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО
ХОТЯТ.

– У меня, Кать, есть много таких историй про него. Он и меня выручал. Не ждал, когда попрошу. Просто делал. Если откровенно, я понимаю девушек, которые спят с ним. Если такие есть. Их возбуждает его человечность и равнодушие. Деньги – как следствие. Прежде всего он очень хороший человек. И отец. Поверь мне, выросшей без отца девочке...

– Спасибо, Оль. Я его на самом деле очень люблю...

– Ну и славно. Тогда пошли по домам. А то я давно не видела своего мужа и сына. Все скачу по любовникам да по их дочерям... И оставь, ради Бога, хорошие чаевые официанту, с которым ты вела себя как отъявленная хамка.

Катя улыбнулась, отсчитывая деньги.

– Я часто себя так веду. Но мне стыдно.

– Стыдно – это хороший симптом. Не все, значит, потеряно...

Мы расстались, обнявшись. Катя поехала к маме.

Нормальная Катя поехала к нормальной маме. Возможно, вечером к ним придет нормальный папа и муж в одном лице. Потому что со всеми вокруг все нормально...

Герань

Моя подруга сделала ремонт в квартире и пригласила меня на новоселье. Подруга очень гордилась тем, что она сама выступила дизайнером интерьера, причем в первый раз в жизни. Я купила конфет ручной работы и авторский вазон в качестве подарка на новоселье. Приехала запыхавшаяся, румяная, готовая восхищаться.

Честно говоря, я в интерьерах вообще не разбираюсь. Руководствуюсь исключительно категориями «нравится» – «не нравится». Мне чаще всего нравится. Особенно если чистенько и уютненько и цвет не режет глаз. Я люблю листать каталоги «Икеи» и примерять интерьеры на себя. По факту я могла бы жить практически на всех страницах, кроме тех, где интерьер представлен в темных, густо-шоколадных тонах: просто у меня живет гордая волосатая кошка, которая сразу заляпает колтунами шерсти всю красоту.

Еще я люблю смотреть последние десять минут передач, где переделывают интерьеры, когда герои входят в свое новое, отреставрированное чужими руками жилище и радостно охают. И я завистливо охаю вместе с ними. А потом показывают, как было и как стало. И всем очевидно, что было плохо, а стало хорошо.

Я и раньше бывала у этой подруги. Мне нравилась ее захламленная родительским наследством крошечная квартир-

ка и шестиметровая прокопченная кухонька.

На плите уютно дремал пузатый чайник, на окнах висели солнечные шторы в складочку, на подоконнике грустила герань, на столе с неоднократно прожженной скатертью стояла обиженная пепельница.

Подруга сама – страстная курильщица, и все ее частые курящие гости выдыхали дым от сигарет прямо в герань, а пепел стряхивали прямо в горшок, минуя пепельницу как лишнее звено. Но герань стойко терпела это издевательство, воспринимала пепел как удобрение и регулярно цвела пушистыми розовыми цветами всем назло. Подруга смеялась и говорила, что она в герани видит родную душу: она – по сути такая же одинокая, стойкая, замученная, пропахшая, но цветущая. Герань была как бы цветочным олицетворением подруги.

У нее даже имя было. Гера. Что логично.

Честно говоря, Гера была прокуренная насмерть, нагловатая, слегка хамоватая геранька. Дрянная девчонка. Вся в хозяйку. Подруга, откровенно говоря, сама далеко не ангел. Ходячая провокация, протест и эпатаж. Ее портрет вполне мог бы висеть в институте благородных девиц как визуализация того, что может быть с девушкой, не получившей хорошего образования.

Но плохие девочки становятся плохими не от хорошей жизни. «Я не хочу говорить о прошлом», – обычно говорила подруга и, затянувшись сигаретой, начинала говорить о

прошлом. Самая страшная ее история – о том, как она родила мертвого мальчика от плохого человека. О том, что человек плохой, она узнала в разгар беременности. До этого момента она его сильно любила. И прощала ему все: жену, долги и отсутствие мужских поступков. А потом он сделал подлость. Еще более сильную подлость, чем заделать ребенка другой женщине при живой и здоровой жене. Он на автомобиле сбил человека и попытался уйти от ответственности. Человек остался жив, но жил теперь в инвалидной коляске и страстно хотел получить компенсацию за то, что кто-то резко и бесповоротно в один момент, в один удар ограничил его возможности.

ОДИНОКАЯ, СТОЙКАЯ, ЗАМУЧЕННАЯ, НО
ЦВЕТУЩАЯ ГЕРАНЬ – ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МОЕЙ
ПОДРУГИ.

А плохой человек не хотел платить. Он сказал подруге про выжившего инвалида: «Лучше бы он умер», – и в этот момент сам умер для подруги. Она поняла, что отец ее ребенка – плохой человек. Такой папа ее сыну не нужен. Чему он сможет его научить? Быть плохим человеком? Подлецом?

Подруга сильно переживала. Стала курить, хотя уже 7 месяцев держалась, с момента, когда узнала о беременности. Ребенок отчаянно дрался с ней изнутри. Если бы он был жив, он был бы вылитая мать. Возможно, он испугался этой перспективы и покончил с собой. Повесился на пуповине. И врачи не смогли ничего сделать.

Из роддома подруга ехала на машине сама. За рулем. Одна. На заднем сиденье лежало голубое одеяльце-конвертик. Нераспечатанное.

Подруга никого не хотела видеть. И вдруг ее остановил полицейский и спросил: «Куда несетесь? Нарушаем, гражданочка?»

А у подруги пришло молоко. Грудь болела и сочилась никому не нужным жирным молозивом. Она, потерянная, ответила, что ей срочно нужно домой, она больна. Но инспектор не поверил: она говорила заторможенно, и он решил, что она пьяна. Подруга разъярилась. Ей было плохо, а этот полицейский, сам того не желая, сделал ей еще хуже. Хотя, казалось бы, куда еще хуже?

Было лето, на подруге было легкое платье. Она достала набухшую грудь из лифчика, навела боеголовку на цель и брызнула молоком в не ожидавшего такого подвоха инспектора. А потом села за руль и уехала.

И никто не гнался за ней с мигалкой. Сюр, скажете вы, и будете правы. Но в этом вся она.

Бог дал ей стартовый капитал в виде внешности, но она обналачила его по самому невыгодному курсу. Пышные курчавые волосы ловила в безликий хвост, чистое девичье лицо прятала за вульгарным макияжем, носила юбки чуть ниже колена, визуально обрезающие ее длинные ноги вдвое. Протестовала. «Мне ничего от тебя не надо!» – как бы говорила она Богу. Она была обижена на него за свою объективно тя-

желую судьбу.

ПЛОХИЕ ДЕВОЧКИ СТАНОВЯТСЯ ПЛОХИМИ НЕ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ.

Мне хотелось помочь. Подправить очевидные ляпы. Как-то раз я подарила ей фактурное платье в пол, призванное подчеркнуть стройную талию, высокую грудь и удачный рост. Под него полагались каблук. Подруга хмыкнула и отказалась принимать подарок.

– Я – это не моя внешность, – пояснила подруга. – Ты хочешь слепить из меня куклу, а я хочу, чтобы я ни у кого не вызывала таких ассоциаций.

– Одежда и внешний вид – это коммуникация. А что своим внешним видом говоришь миру ты? Что ты фриг? Ну да. Зато не кукла...

Подруга задумчиво курила в герань, платье взяла, но никогда его не носила. Такая вежливая форма «отвали». Наконец, Бог, видимо, раскаялся и послал плохой подруге хорошего парня. Почти идеального. Спортсмен. Бизнесмен. Педант. Образцовый папа (есть сын от первого брака). Подруга решила, что это ее шанс кардинально изменить жизнь. Ремонт – это часть перемен. Она отремонтировала квартиру, образ жизни и внешность. Выбросила старую мебель и тяжелые воспоминания. Бросила курить. Когда она открыла мне дверь, на ней было мое фактурное платье в пол. Очень красиво и непривычно.

Я захожу в новую квартиру, трепетно обнимая вазон. Квар-

тира будто стоит по стойке смирно. Все строго, как по линейке. Мебель, как тетрис, расставлена функционально. Все во все задвигается, все отовсюду достается. На окнах жалюзи. Строгие параллельные прямые. На стенах какие-то стальные трубы в качестве декора. Как будто подруга перепутала и полотенцесушители в комнате повесила. И зеркала, зеркала... Королевство кривых.

Подруга говорит, что они визуально расширяют пространство. Я вижу, что это так, но не понимаю зачем. Зачем обманывать себя и думать, что ты живешь в большой квартире, если ты живешь в маленькой? Чтобы уходить в бесконечный коридор и наткаться носом на холодное стекло?

Я ловлю внутри себя стойкое «не нравится» и безуспешно пытаюсь его сформулировать, чтобы задушить. Захожу на кухню. Вижу пустой подоконник.

– А где Гера? – спрашиваю я.

– Как же вы все достали меня с этой Герой, – с раздражением говорит подруга. – Гера засохла во время ремонта. От пыли.

Я понимаю, что все, кто был здесь до меня, искали Геру. И расстраивались, не найдя. Мне тоже становится грустно. Гера задохнулась от свежего воздуха. Она умела быть прокуренной, дрянной геранькой, а красивым домашним цветком с регулярным поливом и прозрачными дренажными камушками – не умела. Гера цвела только в кухне-курилке, купаясь в интимной романтике задымленных девичьих разговоров,

настоянных на бутылочке хорошего болтливого вина.

А в операционной цветы не цветут, а здесь теперь именно она. Дистиллированный новый парень подруги поселил ее в свой стерильный мир. Но нельзя все время жить в операционной. Рано или поздно захочется перевернуть урну, бросить носки посреди комнаты, повесить платье на спинку стула.

ВСЕ, КТО БЫЛ В НОВЕНЬКОЙ КВАРТИРЕ ДО МЕНЯ, ИСКАЛИ ГЕРАНЬ. А ОНА ЗАСОХЛА ВО ВРЕМЯ РЕМОНТА.

Главный недостаток идеальных партнеров – их идеальность, на фоне которой наши грехи гротескно выпячивают свои горбатые головы. И спустя время хочется разбить бутылку о голову своего идеального мужа и с полной ответственностью сесть в тюрьму, считая это наказание вполне заслуженным.

Подруга устала от собственных протестов и недостатков, она пришла в операционную, раздевшись перед входом. Что теперь будет с ней? Мне кажется, подруга скоро засохнет, зачахнет вслед за Герой.

– Ну как тебе в общем? – волнуется подруга.

Мне не понравилось. В этом холодном интерьере нет черт моей подруги. Эту комнату обставила какая-то чужая, новая женщина, которую я не знаю. Подруга пытается соответствовать своему партнеру, и ей кажется, что она, задушив Геру и повесив строгие жалюзи, сама стала такой, строгой, обнов-

ленной, функциональной, вышколенной.

А мне кажется, что, засыпая, она думает каждый вечер: «Господи, что я творю?»

– Супер! Просто отлично! – говорю я со всей откровенностью, на которую способна.

Я не буду критиковать. Критика – это когда один человек говорит другому человеку, автору, как бы он сделал его работу. Если бы умел.

Я вот не умею. Категорически. Я бы и такой ремонт не сделала. Моя правда просто расстроит подругу, и другого результата у этой правды не будет. Поэтому я вру и считаю эту ложь нужной и оправданной. Моя задача – просто поддерживать и не расстраивать.

– Мы с Пашей, наверно, скоро поженимся, – задумчиво говорит подруга и облизывает пустую ложку. Она больше не курит и инстинктивно тянет в рот все подряд, привычно обманывая свои органы чувств. – Я хочу, чтобы ты вела мою свадьбу.

– Конечно, дорогая. Я очень за тебя рада.

Если я скажу, что действительно думаю по этому поводу, я потеряю подругу. Она ничего не ответит, но больше не позвонит. Будет опять такая вежливая форма «отвали». Поэтому я проведу ей свадьбу.

У каждого из нас должен быть свой собственный реестр ошибок. У наших ошибок очень важная и весомая роль – отенять. Они как жизненные приправы. Просто картошку есть

невозможно. Надо посолить. Безошибочная жизнь пресна и смертельно опасна для организма. Если иммунитет от страданий не сформирован, то человек может умереть от крошечной проблемы-инфекции. Поэтому ошибки нужны как воздух.

Не надо никого останавливать, дергать за руки, призывать к здравомыслию, убеждать в обратном, нахлобучивать свое ценное мнение. Пусть наши друзья совершают свои ошибки. А наша задача – просто быть рядом, когда понадобится помощь.

МОЯ ПРАВДА ТОЛЬКО РАССТРОИТ ПОДРУГУ,
А ДРУГОГО РЕЗУЛЬТАТА НЕ ПРИНЕСЕТ.
ПОЭТОМУ Я МОЛЧУ.

Я приеду к подруге, когда она попросит об этом, и молча сяду у окна в ее шестиметровой кухоньке. А она будет курить и задумчиво выдыхать сигаретный дым в раздвинутые жалюзи. А потом скажет: «Знаешь, я не хочу об этом говорить...» – и расскажет все, от начала до конца. И мы вместе будем плакать над ее историей очищающими, освобождающими душу слезами, прощая прошлое, мечтая о будущем, размазывая по щекам настоящее...

Обычно я от себя как ведущей свадьбы дарю молодоженам адресный подарок. Им это неожиданно и приятно. И я уже знаю, что подарю подруге. Я подарю ей новую Геру. Мне ее не хватает. Думаю, ей тоже.

Невозможно

Мы с подругой утром заскочили в кофейню.

– Флэт уайт, – сказала я, не глядя в меню.

Это двойная порция эспрессо со взбитым молоком.

– Капучино, – сказала подруга.

– Хорошо, – кивнул официант.

Через пять минут нам принесли заказ: капучино и мой флэт уайт. Его обычно приносят в высоком прозрачном стакане.

На втором этаже этой кофейни расположен ресторан. Удобно: если вам чашку кофе с собой – заскочите на первый, если вдумчиво пообедать или поужинать – то велком на второй этаж.

На следующий день мы в том же составе пришли пообедать в этот ресторан. Сделали заказ.

– ...и флэт уайт, – говорю я официанту.

– У нас нет такого в меню, – отвечает он.

– Странно, вчера в кофейне внизу мне без вопросов принесли его, а кухня у вас одна.

– У. Нас. В. Меню. Такого. Нет.

– Ясно. Но спросите, пожалуйста, бариста, вдруг он знает, что это такое, и сможет сделать, – предлагаю я.

Официант возвращается через минуту.

– Невозможно. Я у всех спросил. Никто не знает и никогда

в жизни не слышал, – говорит он, и я по лицу вижу, что он ни у кого не спрашивал. Он же сразу объяснил: невозможно.

– Ясно. Тогда капучино...

Я не люблю конфликты и старательно их избегаю, но при этом делаю выводы. После обеда я забегаю на первый этаж, в кофейню, беру меню и вижу, что в меню и правда нет «флэт уайт». Ко мне подходит официант, который был вчера, узнает и приветливо спрашивает:

– Флэт уайт?

– Но его же нет в меню!

– Нет. И вчера не было.

– А как же вы сделали?

– Ну мы же не дикие. Погуглили. Выяснили, что это такое, и сделали. Не были уверены, что все сделали правильно, но прокатило.

– Вы все сделали правильно, – улыбаюсь я. – А как же вы в счет пробили то, чего нет в меню?

– Ну, мы подумали и поняли, что по сути это капучино плюс эспрессо. И так вам и посчитали. А вы, когда расплачивались, на счет даже не взглянули.

– Да, я могла, – смеюсь я.

– Сделать вам еще раз? С собой?

– Давайте так. Мы пообедали только что, и я сама не хочу, но вас я угощаю кофе. Флэт уайтом. Ну или какой вы любите.

– Меня? За что? – смущается официант.

– Просто так. Если вам неловко, считайте, что это чаевые.

– Вы и так вчера оставили чаевые.

– Ну, это были чаевые за кофе. А сегодня за смекалку. Зато, что для вас все возможно.

Люблю такие зарисовки про жизнь. У них всегда есть мораль. Например, у этой зарисовки мораль в том, что...

Бизнес – это люди. Лояльность – это прибыль. Невозможно – это слово.

Пират

Оля сбежала из Гудермеса зимой 1996 года. Там началась война. Сначала война началась в ее семье, и муж, ради которого она переехала в свое время в Гудермес, оказался предателем. А потом стали стрелять в людей. Оля до последнего не хотела бросать дом, жила, вжав голову в плечи, и ждала тишины. Но тишины не было – стреляли. Оля не замечала красот кипенно-белой зимы и глубокой синевы неба. Замечала гробы, страх и безысходность.

Надо бежать. Все бегут. Оля села в машину и поехала. Нажала на педаль газа. Ее кот Пират не переносил автомобилей. Не мог ездить, орал, бился в окна, забивался под педали. Наверное, не понимал: как это – ты сидишь, а потом вдруг оказываешься совсем в другом месте. А может, укачивало его.

Олин муж не любил Пирата, на дух не переносил. Не из ревности, а принципиально. Как она сразу не поняла: мужик, который не любит животных, – плохой человек, гнилой. Его душа не способна на пульсацию нежности, на верность, на служение кому-то просто потому, что этот кто-то наполняет твою жизнь смыслом.

Пират пришел к Оле четыре года назад. У него не было глаза и зуба, а другой зуб торчал сверху клыком, как у вампира. Некрасивый кот.

Сначала Оля назвала его Кутузов из-за одного глаза. Но

потом оказалось, что кот очень умный и говорящий. Если показать ему кусок мяса, то он покладисто говорил «Мя-мя» и «йо-хо-хо». Именно за это «йо-хо-хо» и нежную любовь к плюшевому попугаю Оля переименовала Кутузова в Пирата.

Пират лечил Олю. Спал на ней ровно там, где болит. И болеть переставало. Оля любила целовать его в холодный мокрый нос, трепать за щеки и могла бесконечно слушать легендарное «йо-хо-хо» и «мя-мя», которое он говорил ей иногда и без мяса. Просто звал ее мамой.

Оля понимала – он не доедет, просто надорвется от собственного крика. Да и не поймут люди. Все бегут от войны, спасают детей, иконы, документы. Никто не берет с собой котов и собак. Тоже мне ценность – лишний рот. А впереди неизвестность, скитания по чужим домам, гостиницам. Жизнь беженца и без животных не сладкая штука.

Пират все понял и ушел в ночь перед выездом. Утром Оля проснулась, а его нет. Он был очень умный, все знал про войну и заранее простил Оле предательство. Она ехала по шоссе одна, глотала слезы. Она чувствовала себя вынужденным предателем. Она предала Пирата, но, с другой стороны, судьба предала ее, выгнала из дома, взрывала родных и друзей, отобрала завтрашний день.

Оля приехала в Москву. Когда-то много лет назад она уехала отсюда за любовью, семьей и детьми, но ни любви, ни семьи, ни детей не случилось. Случилась война.

Оля вернулась ни с чем, раненная не физически, а внутри.

В районе сердца кровоточила рана, но ни на одном рентгене ее было не видно.

Оля открыла свой бизнес. Ну как бизнес – поставила палатку в очень удачном проходном месте и торговала всякой всячиной. Сигареты, жвачки, шоколадки, хот-доги.

Время странное, нестабильное. Я тогда познакомилась с тетей Олей, потому что она наняла меня помогать. Я искала любые возможности для заработка. Мне было 15. Официально меня никто еще не взял бы. А тетя Оля доверяла мне все, включая закупку товара. Иногда я подменяла ее в окошечке палатки и любезничала с покупателями. «Ты мне выручку в два раза повышаешь», – смеялась тетя Оля.

СУДЬБА ПРЕДАЛА ОЛЮ, ВЫГНАЛА ИЗ
ДОМА, КУДА ОНА ПРИЕХАЛА В ПОИСКАХ НЕ
СЛУЧИВШИХСЯ ЛЮБВИ И СЕМЬИ.

Я покупала на рынке сигареты, шоколадки и то, что, мне казалось, «хорошо пойдет». Привозила в палатку и рисовала новые цены. Мне же принадлежала идея поставить тут микроволновую печь и делать хот-доги.

В общем, тетя Оля была мировая тетка и многому меня научила. И я сейчас даже не про «бизнес». Жили мы недалеко друг от друга, и домой она часто закидывала меня на своей машине. Рассказывала про свою жизнь, бывшего мужа, обычаи, Пирата. Про войну.

Я слушала. Мне было интересно. Я очень дорожила ее доверием и отношением, всегда рвалась ей помогать.

Однажды мы заехали к тете Оле домой, чтобы она передала мне деньги на завтрашнюю закупку.

– Пойдем, поднимешься на минутку. Посмотришь, как я живу, чаю выпьем по-человечески, не в палатке, – пригласила тетя Оля.

Мы с ней вошли в подъезд и поднялись по лестнице на второй этаж. Вдруг она замерла. Просто застыла как вкопанная. Побледнела. Перед дверью сидел кот. Худющий, подранный какой-то. Я сначала не поняла, почему она застыла, может, кота испугалась.

– Кис-кис, – позвала я непрошеного гостя, который как влитой застыл перед дверью.

Но тетя Оля сползла по стене и села на голую ступеньку.

– Дошел...

Кот обернулся. У него не было глаза и торчал один зуб.

– Это же... Пират?! Как он... – я пораженно смотрела на тетя Олю. Я узнала его по ее рассказам.

– Пешком дошел, – прошептала тетя Оля и сгребла Пирата в охапку.

– А как он понял, куда идти? Как он адрес узнал?

– Любовь привела, – тихо сказала тетя Оля. Она плакала, безостановочно целовала его в морду с подранными ушами и гладила грязный бок в репьях. – Голодный?

А Пират смотрел на нее одним глазом и молчал.

– Мя-мя, – вдруг сказал Пират.

Клянусь, я слышала. Слышала, как кот сказал «мама». Мы

вошли в квартиру, Оля нежно несла своего Пирата, прижимала к себе, целовала и говорила безостановочно: «Прости, прости, прости меня». Оля отрезала кусочек мяса, протянула коту.

– Йо-хо-хо, – проворчал Пират, но есть не стал.

Тетя Оля сказала потом, что он спал целые сутки напролет. Устал с дороги, стер лапы.

Дорога любви всегда тяжела, и идти по ней можно годами...

Гвоздь

Валера – боксер. И собака у Валеры – боксер. Зовут Гвоздь, потому что ему плевать на правила.

Гвоздь живет у Валеры. Иногда у Гвоздя бывает такое страшное выражение морды, что мне становится очевидно: это Валера живет у Гвоздя, а не Гвоздь у Валеры.

Валера вечером гуляет с собакой. Я вечером гуляю с детьми. Про других собачек я говорю дочке: «Смотри, Катюня, собачка лает «гав-гав». Хочешь погладить?»

Про Гвоздя я так не говорю.

Валера похож на своего питомца. Он суровый, как Гвоздь, только без слюней. Мы живем в одном доме, но в разных подъездах. На Пасху я пыталась с ними подружиться. Хотела угостить Валеру куличом. Сказала ему:

– Валера, Христос воскрес.

Валера тяжело посмотрел на меня так, как Гвоздь смотрит на любимый мяч, подранный до дыр, и ответил четко и по делу:

– Знаю. Поздравляю.

Я хотела объяснить Валере, что Христос воскрес не только у меня, а у всех, и даже у Валеры, но не стала. Про пасхальные яйца, которыми нужно стучать друг об друга, даже не заикнулась. Валера слишком буквален и прямолинеен для этой информации.

Валера тренирует Гвоздя злобно, но по-дружески. Учит его злости. Накачивает ненавистью. Команды «Сидеть!» и «Встать!» выполняем всем двором.

– Вот мяч, Гвоздь! Мяч – это большой кожаный пузырь. И ты, Гвоздь, большой кожаный пузырь. Фас, Гвоздь, фас!

Однажды мой сосед по имени Иван Васильевич делал ремонт. С 8 утра до 23 вечера. Штробил, сверлил, стучал, громыхал. Выходные его не останавливали. «На проклятом острове нет календаря, ребяtnя и взрослые пропадают зря». Я позволила себе сделать замечание Ивану Васильевичу. Встретила его во дворе и попросила шуметь в установленное законом время. У меня был маленький ребенок, и я боролась за право спать по субботам хотя бы до девяти. Иван Васильевич громко и визгливо объяснил мне, что я курица, мои цыплята для него чужие и мои проблемы ему неинтересны, а деньги в своем кармане интересны, поэтому если я не могу потерпеть, то могу смело переезжать.

У АНГЕЛОВ-ХРАНИТЕЛЕЙ РАЗНЫЕ ОБЛИЧЬЯ.

Иван Васильевич громко и унизительно кричал на меня на пяточке двора, доступном для обзора всему дому. Я растерялась от чужой наглости, выпяченной так бесстыдно, и понуро молчала. Со стороны мы выглядели как отец и дочь, которая принесла в подоле. Я отошла в сторону, присела на скамейку, готовая заплакать. Меня оглушили наглостью, а муж на работе и защитит некому.

– Хочешь, мы его накажем? – спросил Валера, внезапно

возникший передо мной. У него играли желваки. Гвоздь тяжело дышал рядом, готовый к мести. У меня сердце ушло в пятки. Я испугалась, хотела сказать «не надо», но Валера не стал ждать моего ответа.

К Ивану Васильевичу подошла процессия из Валеры и Гвоздя. Случилась экспрессия. Иван Васильевич сразу сменил профессию. И агрессию на депрессию. И вероятно, конфессию, ибо стал молиться.

Я не знаю, что сказал ему Валера. Может, он сказал не ему, а Гвоздю. Сказал Гвоздю, что Иван Васильевич – большой кожаный пузырь. И что фас. Не знаю, но с того момента я спала по субботам, сколько хотела.

Вчера вечером мы гуляли на площадке при свете фонарей. Весь день мы были заняты и только в девять вечера вышли на променад. Сын увлеченно бегал по площадке, сбрасывал перебродившую мальчишечью энергию. Я отвлеклась на дочь в коляске, потеряла его из виду. Вдруг я увидела, как к сыну приближается стремительная тень, и через секунду поняла: это Гвоздь. Сын бегал, чем дразнил Гвоздя, и тот бежал его наказать. У меня от ужаса пропали голос и здравый смысл, и я бросилась наперерез вместе с младшей спасти старшего. То есть у Гвоздя могло быть сразу три кожаных пузыря: огромный, нормальный и маленький пузырик. И тут раздался стальной голос Валеры, четкий, командный, резкий:

– Свои!

Гвоздь врезался в это слово и мгновенно выстроил новый

маршрут, взяв влево.

Я застыла на месте. Меня обдали ужасом, и я была овеяна паникой. Ко мне сзади неслышно подошел Валера и приказал в затылок:

– В этом районе никого никогда не бойся! Никого. Никогда. Поняла?

Я кивнула и прошептала пересохшими губами: «Спасибо».

Ангелы-хранители всегда являются в разных обличьях.

Епитимья

Слово «епитимья» у верующих людей означает наказание за совершенный грех или несправедливую жизнь. Епитимья – это, например, пост как воздержание от вкусной и разнообразной еды или длительные молитвы.

Наше общество – это люди. Их много, и они очень разные. Помимо заповедей, которые придумал Бог, очень много правил для выживания в социуме придумали люди. Некоторые правила обозначены в законах, некоторые – только в поле здравого смысла. Ну, например, нельзя радоваться на похоронах – нужно скорбеть. Этого нигде не написано, но это так.

Тот свой грех я помню в мельчайших подробностях. Моя дочь сильно болела и цеплялась за жизнь. Выжила, но в бою потеряла слух. Передо мной как матерью стояла задача прорваться в тыл врага и отвоевать слух: организовать операцию.

Те дни я помню смутно. Я не жила – продиралась сквозь время. Нужно было выкарабкаться из вторника и как-то дотянуть до среды. Со стороны я выглядела вполне собранной и целеустремленной женщиной, решала вопросы с предстоящей операцией, вникала в специфику высокотехнологичных имплантов, которые заменят дочери слух, составляла документы. Только глаза всегда были опухшие и заплаканные.

«Ну мало ли... – думали люди. – Ну, аллергия...»

Однажды я пришла домой раньше обычного.

Что-то там у меня не получилось, ерунда какая-то – справку мне не дали, что ли, или печать не поставили. В любой другой момент это была бы просто жизненная рутина, но именно в тот день это была трагедия вселенского масштаба.

Я поняла, что больше не могу. Я рыдала со всем отчаянием, на которое была способна, до икоты, трясущихся рук и нервного срыва. Я закрыла дверь в комнату, где истерила, но плакала так громко, что все равно все было прекрасно слышно. Муж у меня не железный.

Он больше не мог выносить моих слез и «выгнал» меня.

– Сходи на маникюр, я тебя умоляю, – сказал он. – Или в магазин. Или в кино. Куда угодно. Купи себе чертовы туфли, платье. Что-нибудь. Тебе необходимо развеяться. Ну что ты как загнанный зверь?! Я не могу видеть и слышать твои слезы.

Он практически вытолкнул меня из дома. Я помню, как стояла на лестнице и с интересом рассматривала свои обломанные, стертые, искусанные ногти. Да, нужно пойти на маникюр, и я пошла на автопилоте в ближайший салон.

Обычно я приходила на маникюр и говорила: «Сделайте красный!» Мне приносили на выбор десяток оттенков красного, я закатывала глаза. Вот напридумывали женщины какую-то ерунду, сто оттенков одного цвета, френчики, пилочки, формы ногтей, ну делать, что ли, нечего, ну ей-богу!

– Любой красный, – с легкой досадой отвечала я. – Мне

все равно.

А в тот злополучный день... Знаете, я никогда так вдумчиво не делала маникюр, так тогда. Я выяснила всю палитру цветов, с интересом перебирала радугу оттенков, вникала в преимущество гелей над лаками и наоборот, внимательно прослушала лекцию о новинке – лаке, меняющем цвет в процессе сушки. Я выглядела как фанатка маникюра, которая по ряду причин была долго лишена возможности сделать его и теперь просто дорвалась до счастья.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА ОБОЗНАЧЕНЫ В
ЗАКОНАХ, НЕКОТОРЫЕ – ТОЛЬКО В ПОЛЕ
ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА.

А на самом деле я просто пыталась выключить себя на час из непроходимой боли, вылезти из колодца моей беды и целый час, зажмурившись, просидеть на солнце. Которое, кстати, светит для всех одинаково, просто до некоторых, кто очень глубоко в колодце, лучи не достают.

Я насильно выдрала себя из болота и честно прожила тот час маникюром, а не предстоящей операцией моего ребенка. Мне был необходим этот час. Потому что я мать, которая должна спасти своего ребенка, а для этого необходим колоссальный ресурс нервов и выдержки, а стресс и страх выкачивают его каждую минуту, и вот хотя бы на час заткнуть эту утекающую энергию маникюром было жизненно необходимо.

Потому что когда тебе плохо, это как падающий самолет:

и перегрузки, и турбулентность, и вот тогда «сначала маску на себя, потом – на ребенка».

Домой я вернулась покладистая, спокойная, чуть виноватая. Мои пальцы блестели леденцами. Я стала готовить нормальный обед впервые за несколько месяцев. Придумала сложносочиненные блюда – суп и лазанью.

– Ох, маникюр творит чудеса, – сказал муж, обнаружив меня на кухне среди продуктов.

На сковороде уже весело шкворчали овощи, источая вкусный, давно забытый аромат домашней еды.

А я просто хотела еще час прожить вдумчиво, сосредоточившись на готовке. Я заставляла себя думать о рецепте, ингредиентах, о том, что сначала тертую морковь или перчик, о чем угодно, кроме того, что хирург со скальпелем скоро будет делать надрезы на голове моей дочери. А там, глядишь, среда закончится и наступит новый день. Нужно только придумать, как переползти из четверга в пятницу.

СОЛНЦЕ СВЕТИТ ДЛЯ ВСЕХ ОДИНАКОВО,
НО НЕКОТОРЫЕ ОКАЗАЛИСЬ В ГЛУБОКОМ
КОЛОДЦЕ, И ЛУЧИ ДО НИХ НЕ ДОСТАЮТ.

Я написала об этом пост в своем блоге – фактически призналась в преступлении, ведь только плохая мать может скакать по маникюрам, пока семья проживает трагедию. Я ждала осуждения, брезгливого «Да как так можно?». Я была готова, что меня заклеят позором и наложат епитимью – придумают наказание за мое преступление.

Но случилась удивительная вещь. Люди стали писать комментарии и письма, где рассказывали о своих поступках, совершенных в состоянии глубокого душевного пике. Вот женщина рассказывает, как купила дорогой красивый плащ, пока ее крошечная дочь лежала в реанимации для новорожденных. Она принесла туда сцеженное молоко, к ребенку ее не пустили, велели идти домой. А дома кровать, игрушки, ползунки... Она не могла вернуться домой одна и пошла по магазинам. Увидела тот плащ. Дорогой, желтый, бестолковый. Она его надела и поняла, что купит. Он стоил как три четвертых ее зарплаты за месяц, а деньги были нужны: впереди борьба, врачи, реабилитация.

Но ей нужен был тот плащ. Объяснить внятно зачем она не могла, но нужен. Вот нужнее всего на свете. Она его потом почти не носила, потому что похудела после родов. Но этот плащ до сих пор с ней, хотя прошло больше десяти лет и они трижды переехали за это время.

А вот письмо от женщины, которая, похоронив любимого мужа, внезапно погибшего в аварии, взяла кредит и улетела в Индию, оставив детей на бабушку. Ее осудила родня, все называли ее гулящей, говорили, что она радуется, что избавилась от мужа. А она две недели просидела на берегу океана, опустив ноги в воду, с чашкой кофе в руках. А потом встала и, будто зарядившись, поехала в аэропорт. Обратно, к детям, строить новую жизнь, в которой она уже одна, без мужа.

Таких писем были сотни. Я поняла, что у каждого из нас

есть свой грех: свой маникюр, свой плащ, своя Индия.

Есть то, за что мы привыкли себя винить, потому что есть некие правила и нормы, как себя вести в стрессе. Но эти правила придуманы людьми, которые сами не находятся в стрессе. В стрессе никто не придумывает правил: все выживают как могут.

У КАЖДОГО ИЗ НАС ЕСТЬ ЧТО-ТО, ЗА ЧТО МЫ ПРИВЫКЛИ СЕБЯ ВИНИТЬ.

Когда я получала инвалидность для дочери, я поняла, что всю эту бюрократию придумали люди, у которых нет детей-инвалидов. Потому что это так сложно, неудобно и трудоемко, что хочется пойти и все исправить. Законы придумывают обычные люди, которые могут ошибаться.

Неписанные законы тоже придумывают люди – те, которые знают, как правильно. И уже одно это заставляет сомневаться в их экспертности. Потому что у каждого человека свое «правильно», каждый спасает себя как умеет.

Среди сотен писем как жемчужины, дорогие моему сердцу, встречались истории, в которых люди писали, что услышали меня и задумались о вещах, о которых раньше даже не думали.

«Знаете, Оля, мы однажды собирали в школе помощь многодетной семье, у них мальчик младший очень тяжелый, четыре года не могли рак вылечить, я сама лично была волонтером и собирала средства, ходила всех уговаривала. А однажды я пошла в магазин и там встретила эту маму, для

которой мы деньги собирали. Она платье покупала. У нее сын умирает, а она платье! Я помню, как рассердилась и разочаровалась, как злилась на нее, что она воспользовалась нашей наивностью, потом сама лично всему родительскому комитету говорила, какие люди неблагодарные. А после всего, что прочла, я вдруг подумала, что сама эти платья покупаю каждую неделю. А у нее, возможно, за четыре года это было первое платье, а я ее осудила. Мы переехали давно, я сменила окружение и не следила за ее историей. А тут вдруг я ей написала и попросила прощения за те слова, что говорила у нее за спиной.

А она вспомнила то платье. Говорит, да, хорошее, лежит где-то, я очень похудела после смерти сына...»

И таких писем очень много. Люди задумываются о том, что, возможно, жизнь не такая однозначная, как им кажется. И я задумываюсь. Я очень понимаю людей, которые говорят, что, если у меня есть 100 рублей на благотворительность, я хочу потратить их на лекарство человеку, который без него умрет, а не на платишко для него. Это вполне разумно, рационально и здраво. На платишко и мороженое пусть человек зарабатывает сам, ведь это баловство, а не предмет первой необходимости.

А жизнь – это предмет первой необходимости. Жизнь и здоровье – ваше и ваших детей. Это здравая позиция про благотворительность, я ее понимаю и уважаю. Но опять есть «но». Я помню тот мой маникюр. Я понимаю ту маму, кото-

рая на пике отчаяния пошла за платьем. Я понимаю ту женщину в Индии и ту, в желтом плаще, тоже понимаю. Я понимаю тех, кто в жизненной агонии не действует по инструкции, потому что инструкции писали не те, у кого умирают дети, и не те, кто смотрит на мир через окна больничных палат. Не те, у кого нет денег на спасение любимого человека, и не те, кто годами заточен в колодце беды. Их писали те, кто получал за это зарплату.

В СТРЕССЕ НИКТО НЕ ПРИДУМЫВАЕТ ПРАВИЛ: ВСЕ ВЫЖИВАЮТ КАК МОГУТ.

Я не говорю, что эти инструкции плохие. Но человек слишком сложен и многогранен, чтобы можно было написать для всех единую инструкцию о том, как жить правильно, страдать правильно, как горевать, выживать и помогать.

Лично для меня помогать – это кому-то, а не на что-то. Это обнять человека ментально и напомнить ему там, в колодце его беды, о радости жизни. Она есть, она тут, за пределами твоего колодца, ты просто не видишь...

Деньги, конечно, должны быть потрачены абсолютно целевым образом. То есть на то, на что заявлено, – на спасение жизни. Но иногда спасение – это именно пресловутое платьишко. Маникюр. Плащ. Мороженое. Или бумажный стаканчик кофе в руках. И не мне судить, как правильно жить там, в колодце. Вот мои 100 рублей. Потрать их на то, что тебя спасет.

Право на счастье есть не только у здоровых, оно есть у

всех. И у тех, кому сегодня плохо, потребность в глоточке счастья гораздо сильнее. Прямо сегодня кто-то счастлив, кто-то растерян, кто-то напуган, кто-то несчастлив. Невозможно найти один ответ на вопрос, как правильно жить, если даже у одного человека на разных этапах жизни ответы разные.

**В ЖИЗНЬ ЕСТЬ РАДОСТЬ, ПРОСТО ИНОГДА ЕЕ
НЕ ВИДНО ИЗ КОЛОДЦА.**

Никто не знает, как быть хорошим родителем, как правильно страдать, как быть хорошим человеком. Мы учимся этому всю жизнь, и у каждого своя школа, свои учебники и учителя. Не нужно себя наказывать за свою неидеальность, корить за то, что вы нарушили условные правила.

Не нужно накладывать епитимью, потому что быть настоящим неидеальным человеком, который учится жить, не грех.

Севочка

Севочка – начинающий мужчина. Ему пять лет, он живет в соседнем доме, обещает на мне жениться, когда вырастет, и у него есть игрушечный пистолет. Когда у твоего ухажера есть оружие, желания спорить с его решениями не возникает.

Севочка всегда рад меня видеть. Может, потому что я угощаю его конфетами и «Киндерами». А может, правда влюблен. Он за мной ухаживает. Например, однажды он нес мою сумку. Не пакет с продуктами, а любимую темно-синюю сумку-портфель. Сумка была тяжелая, а Севочка – маленький, и сумка глухо царапала основанием по асфальту. Этот звук царапал мне сердце. Но отобрать сумку значило задеть Севочку недоверием. Я позволила ему донести сумку до подъезда, сказала, что он настоящий джентльмен, и угостила шоколадной конфетой.

Севочку не смущает наличие штампа у меня в паспорте и наличие мужа, дяди Миши, у меня в семье. Наверное, он считает, что за 10–15 лет все сто раз может измениться. А может, он ничего не считает, а просто любит конфеты, и я у него ассоциируюсь с шоколадом.

**ПРАВИЛЬНО ГОВОРЯТ, ЧТО ПУТЬ К СЕРДЦУ
МУЖЧИНЫ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЖЕЛУДОК.**

Кто знает, может, годы пролетят, а Севочкина любовь не

угаснет, и ни моя старческая дряблость, ни вероятные морщины не омрачат в его глазах мой шоколадный образ, и Севочка останется верным своему первому чувству. Получается, что Севочка – мой запасной аэродром. А что? Примадонне, значит, можно, а мне нет?

У Севочки нет мамы, зато есть папа с сердитым хриплым голосом Никиты Джигурды. Когда Севочкин папа впервые поздоровался со мной на полутемной лестничной клетке, мне захотелось бросить сумки, поднять руки и сказать, не оборачиваясь: «Я отдам кошелек, только не убивайте!» Вообще, они оба выглядят слегка неухоженными, но вполне себе приличными мужчинами. Сердобольные женщины из подъезда назначили Севочкиного папу героем: мол, не сдал сына бабушкам, не нанял чужую няньку, а тянет пацана сам уже третий год с тех пор, как они остались без мамы. А мне кажется этот поступок нормальным. Что героического в том, что мужик просто не бросил своего сына? Нормальный поступок нормального мужика.

С моим сыном Даней Севочка не дружит. Точнее, он ни с кем из детей на площадке не играет, и Даня – не исключение. Как будущий отчим, он мог бы быть подальновидней и наладить отношения с пасынком уже сейчас, заблаговременно, но Севочка, наверное, решает проблемы по мере их поступления и упорно называет Даню «майчик», притворяясь, будто никак не может запомнить его имя.

Вчера Севочка с папой отловили нас у подъезда, когда мы

с Даней возвращались из сада.

– Извините, Оля, – торопливо заговорил Севочкин папа. – Вы не могли бы присмотреть за Севкой буквально пару часов, мне тут быстро метнуться надо...

Разве можно отказать Никите Джигурде?

– Конечно-конечно, не волнуйтесь, оставляйте. Не торопитесь. Давайте только телефонами обменяемся...

Я записала номер Севочкиного папы, которого, как оказалось, звали Вячеслав, и он, потрепав Севочку по щеке, заспешил к своей машине. Может, свидание у мужика? А что? Третий год без женщины...

Всеволод Вячеславович, значит. Ну что ж, проходи, Всеволод Вячеславович, будем ужинать.

Севочка был серьезен. Даже насуплен. В игрушки играть отказался, мультики не хочет. Планшет? Даня увлеченно показывает ему свою игру. Севочка смотрит, но скорее из вежливости, чем с реальным интересом. Первый раз такое вижу.

Я уточняю у парней, собираются ли они ужинать. Даня только что ужинал в саду, он не голоден, а Севочка приходит ко мне на кухню, взбирается на табурет: готов к приему пищи.

– А у вас есть яйца и докторская колбаса? Папа обычно на ужин жарит яичницу с колбасой... – спрашивает Севочка.

– Сев, а давай сегодня ты борщ покушаешь и рис с котлеткой? Очень вкусно!

– Значит, нет яиц, да? – разочарованно уточняет Севочка.

Я открываю холодильник, достаю нужный набор продуктов. Не спорю. Мой сын тоже заядлый консерватор: ввести в рацион новое блюдо или продукт стоит немалых усилий. Была б его воля – ел бы одну гречку круглосуточно.

Я растапливаю на сковороде сливочное масло, кидаю в него покрошенную колбасу, обжариваю ее до золота, заливаю яйцом, чуть присаливаю.

– И белый хлебушек макать. Есть? Я люблю макать...

– Найдем, Севочка.

Ставлю перед ним тарелку. На ней – румяная яичница, весенние кружочки огурца для украшения, подсушенный в тостере островок батона. Севочке жаль рушить натюрморт, он любит, правит огуречный микс и лишь потом приступает к еде. Его ушки смешно симметрично двигаются, когда он сосредоточенно жует.

Вдруг он ошарашенно поднимает голову от тарелки:

– Как ты... то есть как вы это сделали?

– Что, Севочка?

– Эту яичницу. Это очень, очень вкусно. У папы не получается вкусно. Он не режет колбасу. У него яйцо прозрачное получается, теплое. Невкусно. Я макаю, чтобы размазать...

Я понимаю, что Джигурда кидает на сковородку круглый ломоть колбасы и сверху разбивает яйцо. Яйцо не может пожариться сквозь пласт колбасы. Получается теплое сырое яйцо на куске колбасы...

У меня сжимается сердце.

Севочка растет без мамы. Говорят, она просто сбежала из семьи три года назад. Я не понимаю, почему она, убегая, не схватила Севочку в охапку, не закутала его в одеяло и не сбежала вместе с ним.

Как можно добровольно уйти из квартиры, в которой смешно сопит в кроватке твой сын, и его круглая пяточка торчит из-под съехавшего одеяльца? Наверное, это какая-то бракованная женщина.

У нее не включился или перегорел материнский инстинкт, он мерцает с рваными промежутками, раздражает больше, чем светит и согревает. Говорят, она сбежала к любовнику. Значит, Севочкина мама где-то обнимает чужого волосатого мужчину, а Севочку, пахнущего молоком и мармеладом, никто не обнимает. Ну, может, папа перед сном неуклюже сгребает Севочку в свои объятия, но это мужское, маскулинное, командное... Это папино «я с тобой, сын!», а не мамино «да ты мой сладкий, мой любимый котенок...»

Севочка доел. Протер остатком хлеба тарелку, потянулся к чашке с чаем.

– Я все-таки женюсь на вас, когда вырасту, – вынес Севочка свой вердикт.

«Все-таки путь к сердцу мужчины лежит через желудок», – улыбаясь, думаю я.

– Хорошо, Севочка. Расти скорей, там видно будет.

Севочка рассказывает мне про свои игрушки. У него есть солдатики, два индейца, целый гараж машин и паровоз, ко-

торый честно гудит и даже пускает пар. Папа подарил на 23 февраля. А еще у него есть пистолет, но это я уже знаю. Я говорю, что у Дани тоже есть и паровоз, и пистолет, и солдатики, но Севочка никак не реагирует. Точнее, он реагирует не так, как я ожидаю. Просто пожимает плечами. Ну и что. Какое ему дело до чужих игрушек. Странно...

Я протягиваю Севочке вазочку с шоколадными конфетами к чаю. Севочка и к ним холоден.

– Бери шоколадку, Сев!

– У меня аллергия на шоколад.

– Правда?

Я понимаю, что влюбился в меня Севочка не за «Киндеры», а вопреки им. Я почти каждую встречу дарила ему шоколад, он вежливо брал конфету и не ел. Такой недетский соблазн. Другой бы возненавидел, а Севочка нет.

Наконец, Севочкин папа звонит в домофон. Даня и Сева в этот момент спокойно смотрят мультики в большой комнате.

Джигурда тяжело вваливается в мою прихожую.

Ему неловко, что он оставил ребенка чужой тетке и убежал по своим делам. Он действительно спешил, даже бежал. От него пахнет... чесноком.

Запах – это коммуникация, он о многом говорит. Запах чеснока информирует окружающих, что Джигурда – отец-одиночка, ему категорически нельзя болеть, потому что у него нет тылов, но есть Севочка, и поэтому Джигурда вынужден защищать себя от сезона простуд дешевым и надеж-

ным способом – чесноком. Какие свидания? С чего я взяла? «Мне не до женщин сейчас, я выживаю, как могу», – говорит чеснок хриплым голосом Никиты Джигурды.

– Вот, это вам. – Слава протягивает коробку конфет. Он по пути забежал в магазин и купил компенсацию за то, что я подменила его на посту.

– Слава, послушайте, не нужно никаких конфет, мне было совсем несложно. Наоборот, это было удовольствием...

– Не лукавьте. Севка сложный. И в саду говорят. Он не играет с детьми, один все время. Его сложно увлечь. Это последствия...

– Я поняла, – перебиваю я Славу. Я не хочу, чтобы он передо мной оправдывался. Он ни в чем не виноват. Ни он, ни Севочка.

– Возьмите конфеты, Оль. Мы с Севкой аллергики оба – не едим шоколад. Я вам купил.

– Хорошо, Слава, я возьму. А это тогда ответный подарок. Держите. В нижнем судочке рис с котлетами, в верхнем борщ. Вчерашний, но очень вкусный. Хоть поужинаете. Все без шоколада, – улыбаюсь я.

Мне неловко за поступки сломанной женщины.

Я НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ МАТЬ СЕВОЧКИ,
УБЕГАЯ, НЕ СХВАТИЛА ЕГО В ОХАПКУ, НЕ
ЗАКУТАЛА В ОДЕЯЛО И НЕ СБЕЖАЛА ВМЕСТЕ С
НИМ.

Мне не хочется, чтобы Джигурда думал, что все женщи-

ны – сломанные. Я хочу, чтобы он встретил милую уютную женщину со вкусными руками, которая его полюбит, обогреет, откормит и этим реабилитирует весь женский род, и Джигурда станет пахнуть борщом и парфюмом.

– Спасибо. – Слава смущен.

– Слава, приводите завтра к нам Севу на ужин и сами приходите. Я вас с мужем познакомлю. Шарлотку испеку.

– Мы уезжаем завтра. – В прихожей появляется Севочка. Мультик закончился, и он пришел одеваться.

– Уезжаете? Куда?

– Понимаете... – Слава опять смущается. – В саду в это время активно идет подготовка к Восьмому марта. Песни про мам, всякие подарки мамам, мимозы, тюльпаны... мамам... Я уже третий год увожу его на море в этот период, чтобы...

– Я поняла.

Вся Севочкина группа сделает тюльпанчики из цветной бумаги: красный бутончик, зеленый стебелечек и под трогательную песню, что мама – королева красоты, дети будут дарить цветы мамам. Мамы будут плакать от щемящей нежности и прижимать детей к себе, и целовать их в макушки, пахнущие молоком и мармеладом. А Севочка опять останется в углу с отсутствующим выражением лица. Его тюльпанчик не нужен сломанной женщине. Ей любовь чужого волосатого мужика ценнее. Господи, как она могла? Я не могу понять, эта информация не умещается у меня в голове, все

время вылезает, топорщится, торчит неуместными острыми углами, вопросы без ответа. Мне, чтобы исключить осуждение этой женщины, нужно найти любое, самое слабенькое и неправдоподобное оправдание. Ну, что у нее не было другого выхода. Что она... Что она... Я сдаюсь. Я не знаю, как можно решиться на такое. Сломанная женщина. Нет других оправданий. Ответственность за то, что Севочка даже при самом лучшем папе рискует вырасти сломанным Севочкой, на ней. Он уже сейчас прячется в раковинку, он не заряжен детским задором, он взрослый ребенок с грустными, все понимающими глазами и одиноким мятым тюльпанчиком в руках, который некому подарить...

ДЕТИ ИЗ САДИКА БУДУТ ДЕЛАТЬ БУМАЖНЫЕ
ЦВЕТЫ ДЛЯ МАМ. А СЕВОЧКЕ НЕКОМУ ИХ
ДАРИТЬ.

– Сева, – я присаживаюсь к нему и помогаю застегнуть курточку. – Ты едешь на море! Это же здорово. Я тебе так завидую!

Сева смотрит мне в глаза, не мигая. Он мне верит.

– Обещай, что когда вернешься, придешь к нам в гости! И привезешь мне ракушку. Обещаешь?

Севочка кивает. Он обязательно привезет мне ракушку.

– А ты сделаешь мне такую же яичницу, как сегодня?

– Волшебную яичницу? Я сделаю тебя пять, нет, десять, нет, пятнадцать яичниц!

– Я же лопну!

– Лопнешь? А мы тебя опять надуем!

Севочка смеется. Я в первый раз вижу, как он смеется... Я повязываю ему шарф и поправляю шапочку с помпоном. А потом мы с Даней машем Славе и Севочке в окно, следим за тем, как они идут к своему дому. Метров за десять они подпрыгивают и бегут к подъезду наперегонки... Два добрых, милых, неухоженных мальчишки.

Я расстилаю Данину постель и помогаю ему надеть пижаму. Мы болтаем с сыном про космонавтов, про новую девочку Сонечку из группы, про аквариум с рыбками и про то, что такое аллергия. Наконец, сын начинает сопеть, я нежно целую его в теплую щечку, поправляю одеяльце и, оставив включенным сливочный ночник, выхожу из детской...

Дура она, эта сломанная женщина, просто дура.

Гордей

Пока я снимала шубу, он похотливо ощупал меня взглядом и подобострастно прошептал: «Проходите, проходите».

– Гордик, твоя девушка уже пришла? – раздался с кухни дребезжащий старческий голос.

– Пришла! – громко крикнул он в кухню, а мне тихо, словно оправдываясь, торопливо пояснил: – У меня мама дома.

– Мама? – Я слегка озадачилась: про маму мы не договаривались.

Гордей превратно понял мою реакцию и поспешил интимно добавить:

– Она скоро уйдет. По делам. Надолго.

Мы прошли в старомодную, плохо прибранную гостиную. Убирается тут явно старенькая мама. Гордей, наверное, только пылесосит. По воскресеньям.

У Гордея есть московская прописка. Рост 180. И шрам над правым глазом. Шрамы украшают мужчину, поэтому шрам запишем в плюс (хотя это не брутальный шрам, полученный в бою или в драке. Наоборот, Гордей, поскользнувшись в гололед, рассек себе бровь о ступеньку подъезда. Ни грамма подвига – сплошная нелепость.)

Итак, что мы имеем? Высокий москвич Гордей со шрамом. Ну, вполне достаточно, чтобы женщины кокетливыми мотыльками вились вокруг его фитиля. Но они не выются.

Вот не выются – и всё. А Гордику уже 43. Для женщины это вообще возраст – аларм-аларм! – заката возможности деторождения. В этом возрасте женщины особенно отчаянно рожают «для себя».

Гордик тоже хочет родить. Ну, в смысле, чтобы кто-то родил «для него». Ну и для его мамы, которая «видимо, так и помрет, не дождавшись внуков».

Я представилась журналисткой. У меня редакционное задание. Пишу материал о Москве как городе одиноких людей, о завидных женихах и невестах столицы. Рандомным способом вышла на Гордея.

– Дадите интервью? Только необычное: жесткое такое, откровенное. Дадите?

– Очень интересно. Дам, конечно.

– Здравствуйте, уважаемая барышня! – В комнату неторопливо вошла пожилая, но молодящаяся женщина, окутывает меня цепким взглядом. – Меня зовут Зинаида Макаровна. А вас как величать?

– Ольга.

– А по батюшке?

– А не надо по батюшке, – улыбаюсь я. – Просто Ольга.

– Ольга, я накрыла на стол. Напекла плюшек с корицей.

Вы кушайте, кушайте.

Мы садимся за стол. Зинаида Макаровна разливает чай по чашкам. Беседуем о разном. О капризном декабрьском марте, о дырявом здравоохранении, о том, как Зинаида Ма-

каровна 32 года отработала на одном заводе, об удачной коррице в плюшках, о работе Гордея, о кризисе производства, о том, что я долго искала место для парковки.

Общаемся втроем. Мне с первой минуты очевидно со стороны, почему Гордей одинок. Нет, дело не в том, что он латентный сладострастник. Просто он никакой. Он человек с частицей «не»: неинтересный, невеселый, неперспективный. Высокий – да. Но все остальное – не.

«НАМ НУЖНО ЖЕНИТЬ ГОРДИКА», –
ГОВОРИТ ЕГО МАМА.

Зинаида Макаровна – хорошая женщина. Но пожилая. Она пережила тяжелые голодные времена и не смогла их забыть. Поэтому она постоянно говорит одну фразу: «Вы кушайте, кушайте». Это на самом деле обычная фраза. Но когда ее повторяют по сотне раз в час, она становится самой ужасной фразой в мире. Мы кушаем, кушаем!

Я пришла к Гордею взять интервью. Как к холостяку, потенциальному чьему-то жениху. Гордей не чувствует подвоха. Он жених. Завидный. А что не так? Женщины сегодня избалованы соблазнами. Они знают, как может быть, и не хотят хоть как-нибудь. Они смотрят «Секс в большом городе» и думают: вон как бывает, оказывается. Красивые свидания, полуночные бары, туфли от «Маноло», звездное небо Манхэттена с черепичной крыши, струнный квартет за углом, лукошко клубники посреди зимы, цветы с курьером, гардеробная комната с откровенными зеркалами, ловкий поцелуй глав-

ного героя. Романтика.

Гордей уверен, что все это наносное, социальное, условное, никому не нужное. Его женщина оценит его глубокий внутренний мир. Глубину, кстати, Гордей определяет сам, на глазок. Мы с ним переходим на «ты».

– Вы кушайте, кушайте. Надо нам женить Гордика, – говорит Зинаида Макаровна, причитает. Берет меня в сообщники в деле трудоустройства сына в семью. Диалог происходит при Гордее. Он никуда не вышел, вот, сидит рядом на табуретке и молчит, будто разговор не о нем. Неинициативный.

– Может, сам как-нибудь справится, Зинаида Макаровна, – хмыкаю я.

– Не справится, – вздыхает мама. – За 43 года не справился.

– Значит, не хочет.

– Хочет, хочет! – испуганно адвокатирует сына мама.

– Пока очевидно, что он хочет сидеть на табуретке сложа руки и плюшками баловаться.

– Гордик, ну скажи! – приказывает мама.

– Все женщины меркантильные, – выносит приговор Гордик.

– Да? – удивляюсь я.

– Да. Московская прописка всем нужна.

– Это да, – легко соглашаюсь я. – А что еще у тебя есть, Гордей?

– В смысле?

– В прямом. Брак – это бартер. Мы вот с мужем вместе 14 лет. Я ему – детей, ноги, борщ. Он мне – юмор, легкость, деньги. Все честно. Не понимаю, почему ты с осуждением говоришь о женщинах как об охотницах на твою прописку, если кроме нее у тебя ничего нет?

– Как ничего? – обиделся Гордей.

– Как ничего? – обиделась Зинаида Макаровна.

– Ну вот я и спрашиваю: что есть?

– Ну, я веселый.

– Ну, он веселый, – вторит Зинаида Макаровна.

– Гордей, расскажи анекдот, – прошу я.

– Какой?

– Любой.

– Про что?

– Про что хочешь. Любой анекдот.

– Я так не могу.

– Гордей, ты веселый, – напоминаю я.

– Встречаются русский, поляк и немец на острове. Ну, попали туда. После кораблекрушения.

– Та-а-а-ак.

– Ну вот, короче. Слушай, я так не могу!

– Вот, – резюмирую я. – Ни хрена ты не веселый, Гордей. Ты не удосужился выучить хоть какой-нибудь завалящий анекдот, чтобы рассмешить женщину.

– А мне не нужен камеди-клуб, мне семья нужна.

– Вы кушайте, кушайте, – растерялась Зинаида Макаровна.

на: она понимает, что интервью получается какое-то странное, не таким она его себе представляла, но как выкрутить из этой ситуации и спасти сына, пока не понимает.

– А еще ты какой, Гордей? Ну веселый, это мы поняли. А еще? – спрашиваю я.

– Он хозяйственный. Он плов умеет, – вспоминает Зинаида Макаровна.

– Гордей, у тебя есть казан? – Я смотрю на Гордея в упор.

– Казан? – переспрашивает Гордей.

– Какие специи нужны в плов, Гордей?

– У меня специальная приправа – «для плова». Там все. Я не вникал по отдельности.

– Зинаида Макаровна, не обижайтесь, но вот моему сыну шесть лет. Он тоже умеет плов. Ну, то есть порезать лук, морковь и мясо в мультиварку, засыпать рисом, посолить и приправу добавить он сможет. И режим установить, какой я скажу. Это, конечно, будет не плов. А слипшаяся рисовая каша с мясом.

– Ольга! – Гордей произносит мое имя с возмущением.

– Гордей, я сейчас не издеваюсь. Я просто помогаю тебе посмотреть на себя со стороны и оценить себя объективно. Пока ты смотришь на себя восхищенными мамиными глазами и не понимаешь, почему другие женщины не делают так же. Я вот и поясняю тебе, почему. Ты умеешь зарабатывать?

– Я работаю с института!

– Верю. Но я не спросила, как долго ты работаешь. Я спро-

сила: ты зарабатывать умеешь?

– Я же не бесплатно работаю!

– Хорошо, – вздыхаю я. – Задам вопрос иначе. Где ты отдыхаешь?

– В сентябре ездил в Крым. Очень хорошо, правда, поезд ужасный, зато там хорошо, в частном секторе, рядом с морем жил.

– А питался где?

– Там столовая рядом, чтобы первое было, мне для желудка, и пирожки покупал у женщины там по пути. Недорого, по 20 рублей. Домашние. С капустой. И с мясом.

– Ясно.

– Что ясно?

– Ты не умеешь зарабатывать.

– Вы кушайте, кушайте, – суется Зинаида Макаровна. Она явно сбита с толку даже больше, чем Гордей.

– Ты, Гордей, усатый, – говорю я. – Это факт. И прописан в трехкомнатной квартире на улице Трофимова. Это тоже факт. У тебя, вероятно, есть сестра?

– Есть. Откуда знаешь?

– Ну, квартиру получили родители. Мама. 32 года на заводе. Трехкомнатную, вероятно, потому что были двое разнополых детей. Несложный секрет. Очень распространенный.

– Это к чему? – Гордей сливается с бежевой стеной.

– К тому, что московская прописка не твоя заслуга. Так получилось. Это была твоя фора при старте в жизнь. Но ты

и ее не использовал. Думаю, даже за коммунальные платежи платит мама. Со своей пенсии. Угадала?

При этих словах Зинаида Макаровна встает и уходит на кухню, бормоча «кушайте, кушайте», а я безжалостно продолжаю:

– Тебе остается заработать только себе на еду. Ты и не напрягаешься. Зарабатываешь свои 20 рублей на пирожок с капустой. За что женщина должна тебя любить, Гордей?

– А я ее за что?

– Ну началось. Как маленький. «А она мне что?» Вот из-за такой стратегии, Гордей, ты и едешь с ярмарки ни с чем. Занудный. Обиженный. Пустой. Бюджетный. Списанный трамвай. И уже в депо, Гордей, в депо. Не страшно? Вот так, без результатов?

– Почему без результатов? – горячится Гордей. – У меня вон сколько грамот!

Он бросается к заранее приготовленной папке. Он же готовился к интервью! Выпятил все свои заслуги, оформленные на типографском картоне в формате А4.

Благодарность за активность, грамота за участие.

– Гордей, – вздыхаю я тоном уставшей учительницы в конце рабочего дня. – Нематериальное стимулирование – это прекрасно. Оно отлично работает на мотивацию в тандеме с материальным, иногда подменяя его. Грамоты – это не показатель твоей успешности. Это показатель успешности работы отдела кадров по удержанию персонала на рабочих ме-

стах за копейки. А грамоты, будь они трижды приятные, не рожают детей и не варят борщи.

ЗА ЧТО ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА ТЕБЯ ЛЮБИТЬ,
ГОРДЕЙ?

– Не понял.

– Гордей, я не журналистка. Меня прислал сюда твой отец. Он был у меня на лекции по личной эффективности. Я веду лекции. Помогаю людям быть эффективными. Твой отец очень переживает за тебя и хочет тебе помочь.

– Ма-а-ам! – испуганно кричит Гордей в сторону кухни, не спуская с меня глаз. – Ма-а-ам!

Зинаида Макаровна входит в комнату и, обиженно полоснув по мне взглядом, говорит:

– Я сейчас уйду, мне в сберкассе надо.

– Мам, она от отца. Лазутчица.

Зинаида Макаровна ошарашенно переводит на меня взгляд.

– Вы от Павла?

– От Павла Ивановича.

– Она психолог, мам. Пришла меня лечить.

– Я не психолог, Гордей Павлович. Я не говорила так. В данном случае я диагност. Ваш отец заплатил мне, чтобы я пришла и была собой. Я потрошитель иллюзий. Но иногда это очень полезно. Он переживает за вас.

Гордей встал с табуретки, и мне, сидящей, его 180 показали всеми 200.

– Мой отец – вор! – почти по слогам произнес Гордей. – Он чиновник. Берет взятки. Ворует у государства!

– Жалко, что ты так не умеешь, да? – Я откинулась на стуле.

– Что не умею? Воровать? Да, я так никогда не сделаю!

– Гордей, верю. Чтобы брать взятки, надо быть рисковым, гибким и азартным. Нужно уметь быть в команде. Нужно договориться со всеми вокруг о молчании, включая собственную совесть.

– Вот-вот, совесть! – Гордей поднимает вверх указательный палец.

– Ты работаешь в компании по производству канцтоваров, да? – спрашиваю я, резко встаю и подхожу к письменному столу. На нем лежат три стопки бумаги в упаковках, россыпь ручек, маркеры, новенький степлер. – Гордей, ты купил этот степлер?

– Купил. – У пунцового Гордея раздуваются брови.

– Ты врешь. Это очевидно. Ты его украл. Вынес с работы. Легко договорился со своей совестью. «Раз вы мне платите грамотками, я вам – «честностью», – подумал ты. Ты вор, Гордей, как и твой отец. Только он ворует на государственном уровне, а ты – на уровне скрепок.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– Боже упаси, Гордей! Я не из прокуратуры. Ловить преступников не моя специализация. Я пришла разоблачить тебя, но для тебя же самого. Для твоей же пользы.

– Уходи.

– Отец хотел выдернуть тебя из этой вязкой маминой заботы. И, уходя от нее, от мамы, позвал тебя с собой. Сколько тебе было, 25? Когда ты укрылся с мамой одной обидой на отца и свою слабость замаскировал совестью. Конечно, так проще. И сидишь, ждешь, что кто-то оценит. А ценителей все нет. Вон мама только. Но мама не считается. У нее работа такая – любить тебя безусловно. И в компании, Гордей, в которой ты работаешь, женщины-коллеги видят тебя насквозь. Зачем им сорокалетний зануда со скрепками? Ты даже в любовники не годишься. Любовник, он же не только секс, он вдохновение и подарки. А ты что? Степлер и «встречаются немец, поляк и русский»?

Спустя десять минут за мной обиженно закрывается дверь. Слишком быстро закрывается, чтобы это можно было назвать «сама ушла». Меня выгнали.

Я набираю номер Павла Ивановича.

– Ну что? – спрашивает он вместо приветствия.

– Ну все.

– Все?

– Все как я говорила. Оставьте мальчика в покое.

– Мальчику 43.

– Он инфантилен, как Карлсон, который живет на крыше, в моем шестилетнем сыне ответственности больше. Но он счастлив.

– В смысле счастлив? С мамой в 43? Без семьи и детей?

Кладовщик? Или кто он там. Моя дочь сегодня провела IPO для своей компании за границей. Черт! Как будто это дети от разных матерей, не в одной семье росли!

ЧЕЛОВЕКА НЕ ВЫЛЕЧИТЬ ОТ БОЛЕЗНИ,
КОТОРУЮ ОН НЕ ПРИЗНАЕТ.

– Нельзя осчастливить человека насильно. Нельзя вылечить от болезни, которую он не признает. Ему хорошо. С мамой и пирожком с капустой. Он слишком слаб, чтобы иметь смелость оценить себя со стороны. Ему хватает маминых оценок. В его проблемах виноват начальник, который не платит, бабы, которые не любят, правительство, которое не заботится, РЖД, которое задрало цены, «Газпром», который сбывает не его мечты, отец, который «бросил» его, «малыша» в 25 лет, и ушел от мамы. Это самая легкая жизненная позиция. Он в ней застыл, как в янтаре. И никуда. А что? Он и страдалец, и жертва, и благородный, и честный, и защитник, и человек слова. Прямо герой нашего времени. Даже если вы насильно выдернете его, наймете психологов и тренеров, причините свое счастье – все зря.

– Потому что 43?

– Да нет. Возраст ни при чем. Меняться можно и в 93. Но первый шаг – признать проблему. А у него их нет.

– И что делать?

– Говорю же: оставить его в покое.

– Я не могу. Он мой сын, он катится в пропасть. Я должен ему помочь.

– Пал Иваныч, а вот это ваша проблема. Наймите коуча и отработайте это неумное желание нянчить 40-летнего дядечку, свою латентную вину за «упущенного» ребенка отработайте. Это ваша очевидная проблема, не Гордея.

– Ясно. Поработаешь со мной?

– Нет, я не психолог. Я диагност. Ну, терапевт. Могу грипп вылечить. Насморк. Кашель. А если что серьезное – это к специалисту. Могу дать контакт.

Иду домой. Сейчас отложу все дела и напишу про это пост, пока горячее, свежее, непрожитое. Изменяю имена только.

Вот она, объективная реальность, без прикрас.

Безжалостная правда жизни.

А вечером приготовлю плов. У меня есть зира, шафран, куркума и барбарис.

Важное письмо

Бабушка передо мной в очереди на почте отправляла письма. Настоящие, в конвертах. Много, штук шесть или семь. Мне стало интересно, кому эти письма.

– Бабуль, в наш век любое сообщение на другой конец света идет секунду. А вы пишете письма... Почему?

– Да... Сейчас все так быстро, мне уже не угнаться за вами. Я живу в своей скорости. Мир обгоняет меня. Но это ничего, я не тороплюсь.

– Я к тому, что если в этих письмах что-то важное, может, скорость звука будет очень кстати.

– Важное... Ну как важное... В принципе, там написаны какие-то мои новости стариковские.... Но главная новость – я еще жива. – Бабушка смеется.

– Тогда понятно. Это чудесная новость, и не важно, когда она доставлена, – соглашаюсь я. – Она всегда кстати.

– Да. Это вы, молодые, спешите. А я уже везде успела.

– Здорово. Простите мое любопытство, а кому эти письма?

Бабушка смотрит на меня, будто оценивает, можно ли доверить мне тайну. И вдруг начинает плакать.

Прямо на почте.

«ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ ПИСЬМА – Я ЕЩЕ ЖИВА».

Я растерялась. Опешила. Я не хотела ее обидеть.

– Ой, простите, простите меня... Я не хотела вас обидеть...

– Слезы без разрешения текут, – извиняется бабушка. – Воспоминания эти... Видите ли, я перед Девятым мая всегда пишу письма. У моей бабушки было четырнадцать детей. Четырнадцать! Представляете? Двенадцать богатырей и две дочки. Одна из этих дочек – мама моя. Богатырями сыновей дедушка мой называл. Так вот все двенадцать ушли на войну. А вернулся только один.

Бабушка закрывает лицо ладонями, пытается унять слезы. Я тоже плачу. Прижимаю к себе сына. Я даже представить не могу. Господи, не допусти войны...

– Дедушка тоже не вернулся. Он был летчик-испытатель. Это был вечный бой за души. Когда стоит выбор, я или Родина, выбора нет. Для них не было, понимаете?

Мы все, посетители на почте, молчим. Притихли. Слушаем. Понимаем ли?

Нет, не понимаем. Просто верим.

– Могилу своего отца я нашла спустя семьдесят лет. Воинский мемориал в Калужской области. Искали всем миром. Столько людей помогали... И могилы всех моих, кто... Я должна сказать им спасибо. И вот, говорю. – Она кивает на почтовый ящик.

Я поняла. Она пишет письма-благодарности всем, кто помогал искать могилы ее родных людей, погибших на войне,

всем, для кого память – не просто слово.

Я переполнена эмоциями. Мне хочется обнять бабушку, но мне неловко.

– Как вас зовут?

– Таина.

– Таина? Какое нежное и необычное имя...

– Да. Тайна, покрытая мраком. – Бабушка наконец улыбается.

Мы вместе выходим с почты. Я совсем забыла, зачем приходила.

Мы с Таиной почти деремся, когда я перекладываю ей пирожные, купленные детям.

– Ну что вы, ну зачем? – сердится Таина.

Ну вот как объяснить ей, что «спасибо» недостаточно, что хочется хоть чем-то отблагодарить ее за эти эмоции, за безжалостную правду, за память, за слезы, за письма, за все?

Я настойчиво предлагаю довести ее до дома, но Таина отказывается.

– Такая погода хорошая, – говорит она. – Сколько у меня еще будет таких погод...

Я понимаю, о чем она. Возможно, когда-нибудь Таина обманет адресата. Письмо придет и скажет: «Я еще жива», а это будет неправдой. Письма очень долго идут...

– Оля, а хотите, я вам напишу письмо? – вдруг спрашивает Таина.

– Очень хочу. Очень. – Мои глаза снова наполняются сле-

зами.

– Дайте адрес...

Я записываю свой домашний адрес на клочке бумаги, отдаю Таине. Она бережно убирает его в блокнот. Она обязательно напишет мне письмо.

Мы с детьми машем Таине и смотрим, как она неторопливо идет к своему дому. Я буду очень ждать ее письма. Письма, в котором будет написано много разных стариковских новостей. Но я прочту в нем между строк самую главную новость: я еще жива. И буду очень верить, что письмо меня не обмануло...

Путь к себе

Книга

Когда вышла моя первая книга, возникла необходимость ее презентовать читателям. Издательство сделало огромный баннер с моей фотографией: «Ольга Савельева, писатель». Меня поразило слово «писатель». Кто писатель? Я – писа-

тель? Я думала, что писатель – это Тургенев или Толстой. А оказывается, Савельева теперь тоже писатель!

Очень многие люди вокруг издавали свои книги как визитки. Например, один мой знакомый издал свою биографию, собираясь баллотироваться в депутаты. Другой издал книгу о бизнесе, которым он занимался. Наконец, одна знакомая медиаперсона, монетизируя свою медийность, издала фолиант, как хорошо выглядеть. С учетом, что ей на момент издания не было и 30, было непонятно, почему она вообще может выглядеть плохо.

Многие из вышеперечисленных даже не сами писали книги, а нанимали для этого литературных негров. И вот я думаю: они тоже писатели?

Изданная книга, в которой твоя фамилия на обложке, автоматически делает тебя писателем?

Один мой знакомый любит рассуждать про относительность. Однажды мы сидели с ним в ресторане, и он сказал: «Вот ножик. Видишь? Я им масло мажу на хлеб. А можно тем же ножиком совершить убийство! Все относительно...»

Я долго стеснялась считать себя писателем. Какой я писатель? Я скорее изданный блогер. Но потом я стала получать ежедневные благодарности за свои книги. Люди читали и говорили: «Еще! Хочу еще!»

Я выпустила вторую книгу. Точнее, не я, а издательство. Я ее написала, а издательство, назначившее меня писателем, выпустило в свет. Она повторила успех первой. Теперь чи-

татели мне говорили спасибо за две книги.

Я села за третью. Муж смеялся: «Джинна выпустили из бутылки». Сын говорил: «Горшочек, не вари!»

А я не могла остановиться.

Однажды мой сын пришел из школы и сел за уроки. Бухтел, учил что-то. Слышу – бормочет про лучезарны вечера, бодрый серп.

– Мам, а что такое праздная борозда?

– Что?

– Праздная борозда...

– Это когда на почве осталась борозда, и она...

– Праздная?

– Точно.

– Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде... – вздыхая, повторяет сын. Он выглядит несчастным. Он просто зубрит, ему не нравится стихотворение и непонятен смысл.

Это Тютчев. Он прекрасный поэт. Но он жил давно. Любовался природой. Тонким волосом паутины. А мой сын живет сегодня, в XXI веке, в спальном районе столицы на пятнадцатом этаже. Он очень далек от тонкого волоса паутин и праздных борозд.

Ну вот как привить ребенку любовь к школе, если он во втором классе вынужден карабкаться сквозь отдыхающие поля, падающие колосья, хрустальные просторы на праздную борозду, где блестит паутина?

Мне кажется, не существует ребенка, который бы выбрал томик Тютчева вместо YouTube. Тютчева дети читают принудительно, через сопротивление и внутренний протест. Как рыбий жир, который нас заставляли принимать в детстве, наливая неприятную, но полезную жидкость в столовую ложку.

– Мам, я устал учиться, я отдохну, ладно? – спросил сын.

– Конечно.

Спустя десять минут я зашла в комнату и обнаружила, что сын читает... мою книгу.

– Ты же хотел отдохнуть, – напомнила я.

– Ну так я и отдыхаю, – пожал плечами он. – Мне стыдно перед одноклассниками. Почти весь класс тебя уже прочитал, а я – родной сын! – нет.

– Ну и как тебе? – уточнила я.

– Я не очень люблю читать, ты знаешь. Но из всего, что я когда-либо читал, это самая интересная книга в моей жизни.

Мне давно не было так приятно. Да что там – я была счастлива. Детей не обманешь – дети еще не умеют врать самим себе. Они, когда могут сами выбирать, едят то, что вкусно. Надевают то, что удобно.

Читают то, что интересно.

Потом вышла моя третья книга. Она повторила успех первых двух.

Несмотря на присущий мне синдром самозванца, обесценивающий любой мой результат, я стала допускать мысль, что мой успех не случаен. Слово «писатель», произнесенное

в мой адрес, больше не царапало меня своей незаслуженностью.

Я стала думать о себе именно в этом ключе. Это моя новая сфера, и я в ней успешно развиваюсь.

Я придумала себе новую мечту и написала об этом в блог: хочу, чтобы мои произведения вошли в школьную программу и чтобы в учебнике литературы был опубликован мой рассказ с фотографией, где я красиво смотрю вдаль, и глаза такие загадочные, с поволокой, и прическа такая солидная. А двоечник и хулиган Васечка пусть бы пририсовал мне усы во все лицо.

Вот была бы умора!

ЧИТАТЕЛИ ГОВОРИЛИ МНЕ СПАСИБО, ВЕДЬ
В ЭТОТ МОМЕНТ ЖИЗНИ ИМ БЫЛА НУЖНА
ИМЕННО Я.

Я часто говорила об этой мечте, и она больше не казалась мне несбыточной. А потом к этому посту в блоге оставила публичный комментарий одна читательница. Не дословно, но она написала следующее: «Ольга, я учитель русского языка и литературы с большим стажем и с удовольствием читаю Ваши посты. Не обижайтесь, но блогер все-таки не писатель. Вы в силу своего темперамента и потенциала стремитесь занять много позиций в этой жизни и объять необъятное. Не стоит. Чтобы быть писателем, необходимо глубоко изучить основы писательского труда. Писательство – это занятие, требующее профессиональной подготовки, которой у

вас нет, и всем это очевидно».

Я часто слышу критику в свой адрес и привыкла думать о ней в конструктивном ключе. А тут мысли этой учительницы совпали с моими страхами, подсветили мою неуверенность в себе, усилили мои сомнения. Они были как ушат холодной воды.

А ведь правда! Я не училась на писателя, просто книжки клепаю, какой же я писатель? Не писатель, а самозванец. Сейчас как вбежит литературная полиция, отдел имени Булгакова, да как приложит меня об пол с моим самомнением.

Я стала мысленно оправдываться перед той учительницей и вдруг поймала себя на чем-то очень созвучном, просто дежавю. А! Точно! Я как раз примерно то же самое продумывала в процессе написания книги про материнство.

Если ты родила ребенка, ты мать? А если ты родила и отдала? Тоже мать? Как понять, какая ты мать? Настоящая или так, самозванка? Какие внятные результаты, кроме детей, можно записать в копилку экспертности? После какой книги и с какими тиражами человек может называть себя писателем? После скольких детей и с какими их результатами человек может называть себя хорошим родителем?

Может, это какое-то внутреннее чувство? Вроде призвания.

Призвание – это то, что ты готов делать бесплатно, что ты делаешь, когда тебе плохо, чтобы стало хорошо. За что тебе чаще всего говорят спасибо. Мне каждый день говорят

спасибо мои читатели. Это люди, которые купили мои книги и не пожалели об этом.

Они видели, что я не Тургенев и не Тютчев, но в этот момент жизни им нужна была именно я, они прочли, прониклись и захотели еще.

Мне часто говорят спасибо мои дети. За кашу. За шарф. За игрушки. За то, что я рядом, играю с ними в догонялки. Я чувствую, что материнство – мое призвание. И творчество – тоже. Я написала ответ той учительнице.

«Спасибо за мнение, Елена. Оно вполне созвучно моим мыслям. Вы считаете, что я много на себя взяла. В принципе вы пришли подрезать мне крылья. Каждый сверчок знай свой шесток. Блогер не может считаться писателем. Вы во многом правы, но времена меняются. Вам кажется, что люди, жившие в эпоху Толстого, плавно перекочевали в современность. И вы как бы защищаете их от моего недотворчества. С вашей позиции учителя это очень недальновидно. Вы же не могли не заметить, как изменились дети. Им не все понятно и интересно на уроках, потому что их вынужденно пичкают непонятной их возрасту классикой, и они читают без удовольствия. И это, к сожалению, факт, с которым придется считаться.

Детям жить предстоит во времена, в которых живет не Тютчев, а Савельева. И им, пытливым умам, нужны ответы на современные вопросы.

Сейчас нет дворян, нет цирюлен. Сейчас есть менеджеры и

барбершопы.

Мы с Тютчевым и Толстым – не конкуренты, у нас разные целевые аудитории. Ваши нынешние ученики – моя целевая аудитория. Поэтому учителям нужно не игнорировать блогеров, а дружить с нами и читать нас. Мы же для вас как мостик к современным детям. Вы не хотели меня обидеть. И я не хочу обидеть вас, но все же напишу. Рада, что я не ваша ученица. Потому что для меня учитель – это человек, который учит новому и поддерживает в любом начинании, даже если ему очевидно, что человек ошибается. Никому нельзя обрубать крылья. Человек должен пробовать все, что ему кажется правильным. Я вот не люблю печь. Если я вдруг заделаюсь кондитером, никто не купит мои торты, и я быстро уйду из этой сферы. А за мои книги люди голосуют, их покупают, читают, за них благодарят.

Сейчас за читателя нужно бороться. Аудитория искушенная. Она пресыщена информацией, причем бесплатной, доступной: на, бери, читай. И вот эта аудитория – ваши ученики. Бесплезно заставлять их делать то, что им неинтересно. Они не виноваты. Но и учителя не виноваты, что больше не так авторитетны для учеников. Раньше учитель был человек – кладезь знаний. А теперь в кармане у каждого ребенка смартфон, и этот смартфон знает многократно больше, чем учитель.

Новые времена требуют новых классиков. Я не претендую, я констатирую. И это абсолютно нормально. Поэтому я

уверена, что скоро мы встретимся на страницах ваших учебников. Во всяком случае, я об этом мечтаю».

Писатель – это тот, кого читают. Ты писатель не тогда, когда считаешь себя писателем, а когда писателем считают тебя другие.

Ты хорошая мама не потому, что считаешь себя хорошей мамой, а потому что так считают твои дети. Аллилуйя.

Кстати, именно поэтому вы держите в руках эту книгу.

Творог

Моя мама все решения принимала за меня. И не замечала этого.

Помню, мы шли с ней по рынку, по продуктовым рядам, выбирали молочные продукты. Мне тогда было лет 15.

Я – выше мамы на полголовы.

– Ты творог будешь? – спросила мама.

– Не-е-ет, – сморщилась я.

– Завесьте нам два кило, – сказала мама продавцу.

Я помню, как поймала в себе удивление: зачем ты спрашивала, если все равно купила?

– Я же сказала: не хочу творог, – нахмурилась я.

– Ты любишь творог, – пояснила мама.

– Да? – удивилась я. – А, ну тогда ладно.

– Да и полезный он. Там кальций.

Дома я ела творог, политый вареньем. И не знала, вкусно мне или нет. Но мама сказала, что я люблю творог. Значит, люблю.

Я не знала, как понять, что я действительно люблю и чего на самом деле хочу.

Я была не знакома сама с собой, потому что смотрела на себя глазами мамы и думала маминой головой. Любой грядущий поступок проходил фейсконтроль «Что скажет мама».

Если маме понравится – делай, если нет – отмена миссии.

Первые наши конфликты с мамой случились тогда, когда я вдруг взяла и – о боже! – настояла на своем мнении.

Причем в какой-то сущей ерунде. Типа этого творога. Просто взяла и сказала твердо: «Нет. Нет, мама, я не люблю творог!»

Мама опешила. Это плохой поступок, почти бунт. Он не прошел фейсконтроль. Мама заплакала и купила валокордин. Легла лицом к стене, накрылась одеялом.

– Когда я умру, – сказала мама, – оплачивай коммунальные платежи и подшивай квитки об оплате в зеленую папку.

Мне стало так плохо и так стыдно, что я бросилась к маме, отчаянно рыдая и умоляя ее не умирать. Ради меня.

Иметь свое собственное мнение, оказывается, очень накладно, сложно и больно. А иногда это настоящее преступление против родной матери. А кто мне дороже: мнение или мама? Конечно, мама. Ну так и о чем мы говорим?..

Маме мешало мое инакомыслие. Даже не инакомыслие, а просто «мыслие», не в унисон ее представлениям.

РАЗ МАМА СКАЗАЛА, ЧТО Я ЛЮБЛЮ ТВОРОГ,
ЗНАЧИТ, Я ЕГО ЛЮБЛЮ.

Она зацеплялась за мое мнение, как за ржавый крюк. Натякалась на него. Занозилась. Сердилась. Я быстро сдавала позиции, почуяв характерный запах валокордина.

– Я тебе только добра желаю, я жизнь прожила и лучше знаю, как надо...

«Как надо жить ТВОЮ жизнь», – мысленно заканчивала

я мамино предложение.

В то время я впервые допустила мысль, что мама не Бог, а вполне себе земная женщина, которая может ошибаться.

А вдруг я не люблю творог?

Но мама говорит: люблю.

И как это вообще понять?

Шли годы. Я аккуратно знакомилась с собой, училась слушать оттенки своих чувств.

С мамой мы жили в холодной войне двух любящих сердец. Мама устраивала террор любовью, ложилась умирать после каждой стычки, включала атомный игнор, выжигающий доверие и любовь, а я отстреливалась пубертатными истериками, захлебывалась разочарованиями взрослой жизни, застегивала свою жизнь на все пуговицы: что там внутри, мама, тебя не касается.

Потом я встретила своего будущего мужа. Мне было 18 лет.

– Это не твое, – сказала мама. – Посмотри на себя и на него.

Я посмотрела. Осталась довольна. Очень даже...

– Ты его не любишь, – пояснила мама.

– Я творог не люблю, – вдруг поняла я. – А его – люблю.

– Чушь какая, вся жизнь у тебя впереди. Встретишь еще дипломата, красивого, умного... Он подарит тебе жизнь, которой ты достойна.

Мама мечтала о дипломате для меня, как о панацее от тя-

желой российской действительности. Мама удивительно хорошо разбиралась в дипломатах, хотя сама тридцать лет жила с человеком, который первые десять лет был, по ее определению, неудачником, а последние двадцать – алкоголиком.

То, что я не дождалась дипломата, а ушла к «этому... замкадышу», мама расценила как предательство. Предательство ее мечты. Она вкладывала в дочь, как в инвестпроект, который принесет дивиденды в виде скорой эмиграции в богатую и успешную страну, где жить хорошо, чисто и весело. И априори нет алкоголиков и неудачников. Мама планировала схватиться за хвост самолета, летящего в эту сказочную страну, и улететь с дочерью. Чтобы помогать дочери думать. Точнее, чтобы думать за нее.

А тут такое. Вместо дипломата – студентик.

Вместо самолета – маршрутка до Балашихи.

Ужас. Кошмар.

Мама легла на диван. Отвернулась к стене. В комнате запахло корвалолом. Это такой же валокордин, только еще более ядреный.

– Когда я умру... – сказала мама.

– ...Я буду подшивать квитки в зеленую папку, я помню, – сказала я и ушла в комнату собираться. Через три часа у меня знакомство с родителями будущего мужа. Очень волнительно.

– Ты уходишь? – мама пришла за мной в комнату.

– Ухожу!

– Куда?

– В Балашиху.

– А-а-а! – закричала мама. – Это все он, твой новый ха-халь. Это он науськал тебя бросить умирающую мать и уйти на блядки.

Я молчала. А что тут скажешь?

– Ты никуда не пойдешь! – Мама распласталась в проеме двери, раскинула руки звездой.

– Ты ж умирать собиралась, – вежливо напомнила я.

– А-а-а, дрянь неблагодарная. Всю жизнь на тебя положила, всю душу вложила, а ты... А ты... В Балашиху....

Мама, вероятно, думала, что в иерархии кругов ада Балашиха идет сразу за чистилищем и преисподней (и в этом она почти не ошиблась), но это мне было уже неважно: у меня было свое мнение на этот счет, и я этим гордилась.

Я приехала на встречу, страшно волнуясь. Очень боялась не понравиться. На лбу – ну очень кстати! – вскочил ужасный прыщ, а моя обычная речь в стрессе превращалась в косноязычие.

– Не бойся ничего, – сказал будущий муж, видя мой очевидный мандраж. – У меня мировые родители, они поддержат любой мой выбор.

– В смысле любой? – не поверила я. – А если у меня две ходки, тату в виде дьявола, пирсинг во всех возможных губах и три неудачных брака за спиной?

– Тогда мне самому не очень понятно, почему я выбрал

тебя, – засмеялся мой будущий муж. – А родители поддержат...

То есть даже если я худшая из женщин, фейс-контроль смотрин я все равно пройду?

Мне захотелось скорее познакомиться с этими уникальными родителями и понять: это такая высшая степень мудрости или крайняя форма пофигизма?

Родителям я понравилась, приняли они меня очень тепло, но я не могла записать эту лояльность на счет своей «идеальности»: меня потом все годы брака всегда бодрила мысль, что если что, мое место займет любая другая девушка, и ей так же будут улыбаться и подливать чай в гостевую чашку, потому что «поддержат решение сына».

Я проникла в семью. Прижилась. Жила, а сама «ходила» на разведку.

– Миш, а тебе не страшно было с шестнадцати лет самому принимать решения? – пытливо выпрашивала я. У меня никак не укладывалось в голове, что в тот момент, когда я не могла выбрать, люблю или не люблю я творог, мой будущий муж сам выбирал себе вуз и образ жизни.

– Еще как страшно!

– И? Как ты справлялся?

– Шел за советом к родителям.

– А они?

– А они «поддержат меня в любом моем решении».

– А если ты налажаешь? Ну, совершишь ошибку? Тоже

поддержат?

– Вероятно, да.

– А если твой сын в шестнадцать лет придет к тебе за советом, ты дашь совет?

– Я обязательно помогу ему принять решение.

– Почему?

– Потому что ему страшно. Жутко страшно. Он растерян и напуган. Он начинающий взрослый. Это как с игрового тренажера пересесть за реальный руль автомобиля. И ты рулишь и понимаешь: вот сейчас все по-настоящему, и, если ошибешься, можно вылететь на встречу или сбить человека. И ты напуган, чем еще сильнее усугубляешь ситуацию, и надеешься на инструктора. А он сидит рядом, но у него нет страхующих педалей, он просто сидит и, если что, поддержит...

– То есть ты поведешь себя иначе, чем родители? Твои мировые родители?

– Я обожаю родителей. Они самые лучшие. Но они могут ошибиться, как все обычные люди, – вздохнул муж.

Не дать совета ребенку тогда, когда у тебя его просят, потому что этот совет – все равно мнение, чужое мнение, и оно не должно мешать объективности, – это... это.... Не знаю. Это сила или слабость?

СТОЙ НА СВОЕМ МНЕНИИ, ЕСЛИ УВЕРЕН В НЕМ.

Мне кажется, что во фразе «я поддержу тебя во всем», по-

мимо очевидной мудрости не быть навязчивым и безусловной веры в своего ребенка, защита и очень удобная местами позиция: черт его знает, как тебе поступать, твоя же жизнь, ты там сам как-нибудь разберись, а я поддержу.

Но, с другой стороны, дети у них получились чудесные, целеустремленные, очень качественные. Один мой муж чего стоит!

Дети умеют принимать решения, но делают это долго и мучительно, замачивают решение в страхе, купают в сомнениях, теряют время, ждут подсказок извне.

А я рублю стгоряча. Принимаю решения мгновенно, лелея и тихо восторгаясь своим собственным мнением. Я не боюсь. Ошибусь? Ну и ладно. А кто не ошибается?

Ну вот и как правильно?

Может, стоит взять ребенка за руку ДО и попробовать уберечь от ошибок, как делала моя мама, или все же лучше обеспечивать поддержкой по факту свершившихся проблем, окунув в самостоятельность по самую макушку?

Я не знаю. Я много думаю о золотой середине и очень хочу не шарахнуться в какую-то крайность, не увязнуть в категоричности, не застыть в янтаре всезнайства.

Вчера мы с семилетним сыном зашли в кафе перекусить.

– Я хочу голубцы, – сказал сын.

– Ты их не любишь, – ответила я. – Там же капуста вареная...

– Ну тогда котлеты с макаронами.

– Да ну, неизвестно, что в них навертели, в эти котлеты, а макароны мы на завтрак ели. Возьми шашлык, это хоть понятный кусок мяса. С картошкой.

– Я не хочу шашлык, – опечалился сын.

– Ты любишь шашлык, – сказала я.

РОДИТЕЛИ МОГУТ ОШИБИТЬСЯ, КАК ВСЕ
ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ.

И вдруг меня прожгла мысль: я веду себя как мама!

Я лучше знаю, что он хочет, и совсем его не слышу. Я диктую ему, что он любит, проветриваю его собственные мысли и надеваю свое бесценное мнение на его белобрысую макушку так глубоко и так надежно, что можно не сомневаться: растет мамин сын.

Подошел официант принять заказ.

– Шашлык с картошкой, – пролепетал мой сын, и я чуть не заплакала от досады и злости на себя.

– Дась, прости меня, ты же хотел голубцы? Закажем голубцы, – сказала я и добавила, обращаясь к официанту. – Только распеленайте их от капусты вареной, а то он ее не любит.

– Ой, тогда получатся такие... вареные котлеты, – улыбнулся официант.

– Я не хочу вареные котлеты. Я бы обычную котлетку съел, – говорит сын. – И макароны.

Официант смотрит на меня, я киваю, подтверждая заказ. Когда мы остаемся вдвоем, я говорю сыну:

– Дась, ты прости меня, что лезу иногда со своим мнением. Я просто никак не привыкну, что ты уже взрослый и сам можешь делать выбор.

– Мам, я просто очень люблю макароны. Больше картошки, риса и даже гречки. Еще я арбузы люблю. Очень.

– Это очень хорошо – точно знать, что ты любишь, – улыбаюсь я. – Это просто замечательно! Всегда-всегда стой на своем мнении, если уверен в нем, понял, сын?

И добавляю, подумав: «А я всегда поддержу тебя в любом твоём решении...»

Корпоратив

Утром у меня заболела голова (наверное, погода), живот (наверное, кефир), шея (наверное, продуло) и нога (наверное, пятка). Это мой организм, как всегда перед ответственным мероприятием, подобострастно шептал мне на ушко заветное: «Отменяй все встречи, слива-а-айся, ты заболела!» Но я его хорошо знаю, свой ленивый и пугливый организм, поэтому грубо взяла себя в руки, схватила за шкирдак и прошипела: «Собирайся, живо, я сказала!»

Прошел час. Локоны уложены в небрежность. Губы накрашены в естественность. Брови выщипаны в удивление. Платье развевается снизу, а сверху – подчеркивает. Стриженный енот косит под соболя. Беретик съехал чуть влево кокетливым желудем. Нет, сняла.

Чтобы локоны. «Ну, пошла теперь одна, пошла...»

Сегодня у меня праздник: тест-драйв моей новой цены. Хочу обкатать сотку, попробовать ее в деле. Задача: произвести цифру «сто» прямо в лицо клиента, уверенно и нагло, знаю-себе-ценисто, и при этом не шепелявить, не картавить, не заикаться и не плюнуть в ужасе в клиента обильной слюной...

Прихожу на встречу раньше заказчика. Вся такая загадочная, в флере «Стренджерс ин зе на-а-а-айт», в облаке «Дидора».

Заказала кофей. Буду пить, красиво откинув мизинец.

Жду. Мандражирую. Пытаюсь оценить, чего же я боюсь больше: отказа, выглядеть дурой или что встреча затянется, а я ссeditься не успела, а у меня грудничок...

Пожалуй, больше всего я боялась диалога:

– Сколько стоят ваши услуги?

– 100 тысяч.

– Что-о-о?

– Не что, а 100.

– Сколько-о-о?

– Шучу. 30... Опять дорого? Тогда бесплатно.

Я обещала себе попробовать. Точнее, не так: не попробовать, а сделать. В слове «попробовала» прячется высокая вероятность «не смогла». Поэтому нет для меня слова «попробовала». Есть «сделала» или «не сделала». В моем случае без вариантов – «сделала»!

Сегодня я непременно продам себя как ведущую мероприятия за 100 тысяч рублей.

– Здравствуйте, Ольга? – спрашивает красивый широкоплечий блондин с ровненьким симметричным пробором и протягивает руку для пожатия. – Простите за опоздание, парковку искал.

«Не ври, – думаю. – Причесывался, наверное, вот и опоздал...»

– Ничего страшного, Константин, – улыбаюсь в ответ.

«Даже хорошо, что опоздал, – думаю. – Теперь ты мне как

бы должен...»

Смотрю на него, моего первого мужчину. Первого, ну, за сотысячным рубиконом. Пиджачок такой клубный, с отделочкой, брюки не-в-обтяг, рубашечка с расстегнутой верхней пуговкой, без очков... Нравится он мне. Не делает лишних движений, не суетится, уважителен с официантами, удачно шутит. Буду вспоминать его с радостью потом, когда все кончится.

МОЯ ЗАДАЧА – ПРОДАТЬ СЕБЯ КАК
ВЕДУЩЮЮ МЕРОПРИЯТИЯ ЗА 100 ТЫСЯЧ.

Болтаем. Устанавливаем контакт. Обсуждаем шутки-погоду. Наш человек этот Константин. Потом обсуждаем концепцию праздника. У компании юбилей. Нужно солидно, но не скучно. Поняла. Вот мои предложения...

Это были предварительные ласки. Ну, пора. Пора переходить к главному. Мой выход. Соло. Откашлялась.

Самопрезентация. И-и-и...

В целом мире лишь одна-а-а я,

Вот такая заводна-а-а-ая,

Вот такая заводна-а-а-ая,

Лишь только я одна!

Но – 100 тысяч.

Все. Закончила. Поклон. И – за кулисы. Я откинулась на кресле, тяжело дышу. Вспотела. Или просто не сседились? Нет, вспотела. Впервые за 34 года я хочу курить. Хочу дрожащими руками достать тонкую ментоловую из пачки и...

– Здесь нельзя курить, – скажет внезапно возникший за спиной бесшумный официант.

– Я только что сказала ему (кивнуть на блондина), что стою 100 тысяч.

– А, ясно, – ответит официант и прикурит мне сигарету. Зажигалка у него в фартуке именно для таких, как я. Впервые дорогих женщин.

Мысленно затягиваюсь сигаретой. Смотрю на блондина. Хлопаю ресницами. Не взлетаю. Жду реакции.

Ну как тебе? Понравилось? Хорошо было? Блондин, может, и поседел от ужаса, но он же блондин, и это не заметно. Он с готовностью берет смету, сворачивает ее калейдоскопом.

– Я понял порядок цен. Возьму с собой, обсудим в офисе.

– Да, конечно.

– В течение дня обязательно перезвоню по результату.

– Хорошо, спасибо.

– Оля, вы очаровательная и остроумная девушка, – говорит Константин.

– Костя, вы приятный и безумно интересный собеседник...

Мы в унисон смеемся. Кукушка хвалит петуха...

В принципе все не так страшно. Никого не хватил кондратий, земля не сошла с орбиты, тихо играет та же музыка, что играла до рубикона, шеф-повар за стойкой чинно нарезает карпаччо...

Прошло десять минут после встречи. А я иду, шагаю по Москве. И я пройти еще смогу... Мне вообще сейчас хочется прошарашить пару кругов по МКАДу, чтобы сбросить напряжение. Но нельзя. Дорогие женщины знают себе цену и чинно гуляют сами по себе. По Садовому.

Я интеллигентно и дорого иду в людском потоке. Люди спешат по своим делам, и никому нет до меня дела. А мне хочется цеплять случайных прохожих за рукава и говорить с придыханием: «Я только что пыталась впарить себя за 100 тыщ! Прикинь, какие деньжищи?!»

Но я иду, изображаю индифферентность. Хотя внутри я ликую. Я же молодец. Я подняла свою планку на недостижимость! Это как сигануть в холодную прорубь после бани. Бодрит и очень весело.

Куплю себе что-нибудь в подарок. Побалую. Типа, предоплата. Скоро же я буду зарабатывать сотню и могу себе позволить просадить часть будущего бабла на глупости.

Я с радостью выбираю для дочери смешной розовый комбезик и, уже расплачиваясь на кассе, вижу входящий вызов от блондина.

– Да?

– Оль, это Константин. Мы тут посовещались, и чтобы вас не томить... Я просто не решился еще в ресторане сказать... Мне так неловко, что вы время на нас потратили. Простите, но для нас это все-таки дорого. Мы не впишемся в бюджет никак. Извините, что вам пришлось...

Внутри меня надрыгается внутренний голос: «Скажи ему 80, нет, 70, нет, лучше 50, скажи 30! Ты, дура, теряешь клиента! Ты останешься ни с чем. Лови блондина за пробор, он же щас уйдет. Ну 30, ну скажи 50!»

ДЛЯ МЕНЯ НЕТ СЛОВА «ПОПРОБОВАЛА», НО
ЕСТЬ СЛОВА «СДЕЛАЛА» И «НЕ СДЕЛАЛА».

– Ничего страшного, Костя, – твердо говорю я. – В любом случае была рада познакомиться! Наша встреча ни к чему вас не обязывала!

– Оля, еще раз простите. Знаете, может, на Новый год удастся посотрудничать? У нас под Новый год хорошие бюджеты на корпоратив, а тут начало года, совсем не разогнались, и этот юбилей, он совсем некстати...

Что это? Он оправдывается, что не может заплатить сотню? Он бы рад, да нету? То есть... Стой-стой, я правильно поняла: блондин не считает, что я стою меньше, он просто сокрушается, что у него нет столько, сколько я хочу? Шарман!

– Конечно, Костя. У вас есть мой номер телефона. Я всегда на связи и буду рада поработать для вас на Новый год!

Мы тепло прощаемся. Шутим, что первое «свидание» прошло успешно, но второе не раньше декабря.

– Кость, а можно... Я напишу про эту встречу? Не называя ни вас, ни компанию. Имя изменю, внешность... Просто она для меня очень важная.

– Мы первые нищebroды, кто не смог вас потянуть? – рас-

строился Костя.

– Да нет, – прыскаю я. – По другим причинам...

– Вообще не вопрос, Оль. Пишите, конечно. Я помню, что вы блогер. Можно при одном условии: напишите, что я был блондином. Всю жизнь мечтал быть блондином! И ссылку потом пришлите, где почитать.

– Хорошо, – смеюсь я. – Еще пожелания по внешности будут?

– Очки! Такие стильные, в черной оправе. Хотя нет, очки не надо. А то подумают, что дедок.

– Очки вычеркиваем...

Итак, выводы. Есть плюсы: я сделала это! Сказала «сто». Вышла из зоны комфорта. Не больно. Новый розовый комбез для дочери. Минусы: результата нет. Пока.

P.S. Данный текст согласован с блондином Костей. Который не Костя и не блондин. Он над текстом хохотал. Чего и вам желаю.

P.P.S. На Новый год я провела для компании Константина бомбический корпоратив. Если вы понимаете, о чем я.

Границы

Однажды мама вошла в комнату без стука, взяла мою сумку и стала в ней рыться.

– Мам, что ты делаешь?

– Я видела у тебя аспиринов. Голова раскалывается.

– Мам, у меня есть аспирин, но можно же попросить...

– Да я вижу, что ты занята, вот и не отвлекаю.

Мне 15 лет, и в этом диалоге я усваиваю четкую вещь: личных границ не существует.

Однажды мы с Мишей – тогда еще парнем, а не мужем – пошли в гости. Сели за стол так, что оказались в самом углу, и чтобы выйти, пришлось бы поднимать всех других гостей. В процессе праздника выяснилось, что я забыла в сумке телефон, он зазвонил, и Миша полез через весь стол искать мою сумку, а потом обратно.

– Да зачем ты сумку тащишь, просто достань телефон, – удивляюсь я его недогадливости.

– Как это – залезть в чужую сумку? – недоуменно спросил он.

– Почему чужую? Я тебе что, чужая?

Он ошарашенно смотрел на меня. Его взгляд говорил сам за себя: нет, ты не чужая, но лазить по не своим вещам – неприемлемо.

Мне 20, и в этом диалоге я усваиваю четкую вещь: личные

границы все-таки существуют.

Я приехала в школу-интернат. По карте – я тут впервые. Привезла бытовую химию и одежду, которую передали волонтеры. В данном случае я просто водитель. Из интерната вышли дети. Многие сразу меня обняли, ластились ко мне. Невозможно не обнять в ответ. Мне было приятно и неловко. Как можно обниматься с незнакомыми? А вдруг я плохая тетя? А вдруг я причиню зло?

Дети легко вошли в мое личное пространство, не подозревая о его наличии. Им никто не рассказал, что это неправильно. Так же легко они пустят и в свое личное пространство. И это даже не доверчивость, это дефицит любви и тактильной ласки, помноженный на неинформированность. Там, во взрослой жизни, этот дефицит может быть для них смертельно опасен.

ЛИЧНЫЕ ГРАНИЦЫ – ЭТО ГРАНИЦЫ ДОВЕРИЯ.

Мне 25, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: мы сами устанавливаем свои личные границы.

Ко мне приехала подруга. Очень важный откровенный разговор. Мы, понизив голоса, говорим о сокровенном. В комнате играют дети: мой четырехлетний сын Данила и ее пятилетний Вова.

В кухню, где мы сидим, врывается Вова и начинает что-то увлеченно рассказывать маме. Подруга тут же отвлекается на него и изображает интерес: ее ребенок рассказывает про

город роботов.

– Так о чем мы говорили? – спрашивает подруга спустя пять минут, когда выбегает ее сын.

– Я потеряла нить, – честно говорю я.

– И я...

И вот опять спустя время напряженный, важный разговор. В кухню влетает мой Даня.

– Мама, мама, мы там построили...

– Сынок, мы пока с тетей Машей разговариваем. Сейчас мы закончим, я обязательно подойду и посмотрю, что вы там построили, ладно? А пока я занята, – говорю я сыну и продолжаю, обращаясь к Маше: – Прости, и дальше что?

Мне 30 лет, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: чем раньше наши дети узнают о существовании личных границ, тем проще им будет это принять.

Личные границы – это границы доверия. Вы сами себе их устанавливаете, а ваши дети берут с вас пример. Эти границы могут меняться с течением времени: могут крепнуть, а могут проседать. Но они должны быть, и ваши дети должны о них знать.

Мой сын сейчас в комнате пишет первое в жизни признание в симпатии девочке. Она болеет, и он попросил купить ей цветы, чтобы отнести записку вместе с цветами в качестве лучшей поддержки.

– Тебе помочь написать, Дась? – спрашиваю я.

– Нет. Я сам.

И вот пишет. Уже спрашивал, как пишется слово «нрависься» и «выздоровеешь», и сокрушался, что оба слова он написал без мягкого знака. Готово: витамин любви и участия в формате А4 детским почерком.

На улице ужасная погода. Я собираюсь по делам, по пути куплю и закину цветы и записку девочке, которой она адресована.

– Только не смотри, мам, не читай, – волнуется сын.

– Не буду, Дась. Можешь на меня рассчитывать.

– Это секрет.

– Сынок, я уважаю твое право на секрет и не стану читать твое признание. Это и правда очень личное.

– Да, очень личное.

Муж видит, как сын волнуется.

– Ладно, Дась, собирайся. Пойдем, и сам все подаришь, сам выберешь цветы. Это будет правильно, по-мужски. Когда нас, влюбленных мужиков, погода останавливала! Заодно погуляем.

– О, отлично. Тогда и сестру возьмите. Кто ж на свидание без кузнеца ходит? – шучу я.

Сыну важно, что взрослые уважают его границы, и это отличный урок. Для взрослых – урок уважения к чужим границам, для ребенка – урок осознания их наличия.

Осталось выучить, как пишется слово «нрависься», и можно считать себя совсем взрослым.

Мне 36, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: с се-

годняшнего дня станем стучаться, когда входим в комнату к сыну. Ему уже восемь.

Свой собственный

Ребенок впервые видит себя в зеркале маминых глаз. Это самое первое и самое важное знакомство с собой. Если мама смотрит на сына с восхищением, то сын зеркалит это восхищение, перерабатывает его в хорошую самооценку и вырастает в убеждении, что он самый лучший.

Сашина мама так и делала – смотрела с восхищением. Любовалась. Умилялась. Восторгалась успехами.

Рядом лежала медкарта с историей болезни. На обложке стояла Сашина фамилия и был указан диагноз «ДЦП». Но это была какая-то отдельная история, не про Сашу. У Саши все хорошо. Мама забыла сказать ему, что он инвалид. И он вырос здоровым и счастливым. И ни минуты не считал себя человеком с ограниченными возможностями.

Все ограничения придуманы людьми. Они в голове. А у Саши их нет. Поэтому он живет ярко и вдохновенно. Любит маму, катается на велосипеде, успешно работает, делает карьеру, встречается с друзьями, увлекается фотографией, много путешествует. Саша любит учиться, у него два высших образования, и он страшно любознателен.

Саша все время забывает, что он инвалид, а люди вокруг – нет. Не забывают. Смотрят с жалостью и сочувствием. Саше смешно. Зачем его жалеть? У него все хорошо.

МАМА ЗАБЫЛА СКАЗАТЬ САШЕ, ЧТО ОН

ИНВАЛИД, И ОН СЕБЯ ИМ НЕ СЧИТАЛ.

– Аккуратнее! – оберегают Сашу окружающие люди, щедро нахлобучивая на него свою заботу. – Люди с вашим диагнозом не могут кататься на велосипеде!

– Да? – удивляется Саша, садится на велосипед и уезжает от чужого ненужного сочувствия.

Только он в своей жизни решает, что он может, а что не может. Саша увлеченно фотографирует жизнь. Ездит по родному Магадану – и фотографирует. Замечает.

Однажды он шел по городу и вдруг понял, что Магадан он уже заметил. Все привычное, знакомое. Как прочитанная книга. Нет интриги. Нечего замечать.

Саша пришел домой, собрал чемодан и за неделю переехал в Калининград. Ни к кому. К самому себе. Опять забыл, что у него розовая справка об инвалидности. И что люди с его диагнозом не могут менять города. Какая глупость. Только Саша в своей жизни решает, что он может, а что не может. Никакой диагноз не отберет у Саши жажду жизни.

Саша сменил Охотское море на Балтийское. В Калининграде воздух чистый, дышится легко. И столько всего интересного. Саша стал обживатьсь на новом месте. Один. Стал осторожно покорять город. Искать друзей. И нашел. Живет теперь припеваючи.

Вокруг Саши много людей. Саша с удивлением замечает, что многие из них любят и лелеют свои диагнозы. Например, соседка. Большую часть времени она лежит на дива-

не и говорит, что у нее вегетососудистая дистония. Саша за ней ухаживает, помогает чинить кран и ходит за продуктами. Она, непричесанная, полная, лежит в грязной комнате и смотрит телевизор. Или болтает по телефону. Так проходит все ее свободное время. Саша подозревает, что второе название этой загадочной болезни – лень. Соседка просто упаковывает в объемный диагноз свое отсутствие смысла жизни. Саше удивительно замечать такое.

Люди садятся в свою болезнь, как в поезд, и заточают себя в капсуле купе. Закрывают за собой дверь и страдают. За дверью остается жизнь. А в купе разлита болезнь. Люди живут в болезни и не выходят на станциях. Не хотят выходить.

А Сашин поезд ездит везде. Даже там, где нет рельсов. Саша пробовал строить отношения с разными девушками, в том числе и с инвалидами. Но в этом случае девушка приглашала его в свое купе болезни. В нем было тесно и скучно. Нельзя ездить на велике и нечего замечать. Вся жизнь заточена под болезнь. Саша скучал, звал девушку в свой поезд. Говорил: поехали, я покажу тебе весь мир. Ты не бойся только. Со мной – не страшно.

Саша показывал свои фотографии. Рассказывал, как, не умея плавать, погружался с аквалангом. Как покорял горы. Как встречал рассветы в красивейших местах планеты. Девушка пугалась и выгоняла Сашу из своего купе. Говорила: я так не смогу.

– Сможешь! – спорил Саша. – Надо только преодолеть

свой страх!

Но она не хотела преодолевать страх. Ей нравилось замечать свою болезнь, заслоняться ею от жизни и от отсутствия жизненных результатов. Саша вздыхал и выходил из чужого купе. Он пробовал встречаться и с обычными женщинами. С ними было проще и перспективней, потому что они были легче на подъем.

Например, Лида. Саша почти влюбился, звал с собой. Спланировал совместное будущее, предложил Лиде пожениться. И тут Лида сказала свое крамольное: «А как же мне тебя со своими знакомить? Ты ж калека».

Саша рассказывает мне этот эпизод, пожимая плечами. А я думаю: ну вот и кто после этого калека? Как по мне, так Лида искалечена своими стереотипами гораздо сильнее. Единственный момент, когда выгодно быть инвалидом, это грозящее увольнение. Саша – хороший работник. Вдумчивый, ответственный, заинтересованный в результате. Но есть проблема: рабочий день с 9 до 18. Саша, пока идет на работу, замечает. Вот птица на набережной. Ходит по парапету важно, как начальник по кабинету. Скорее-скорее, запечатлеть. А вот котенок играет с травинкой. Смешной, и хвост трубой. Отличный кадр. А вот женщина сосредоточенно везет коляску с щекастым карапузом. Саша фотографирует и мечтает, что это как будто его жена везет их сына в садик.

ТОЛЬКО САША В СВОЕЙ ЖИЗНИ РЕШАЕТ, ЧТО
ОН МОЖЕТ, А ЧТО НЕ МОЖЕТ.

В итоге Саша приходит на работу с опозданием, но зато в фотоаппарате – целая коллекция сокровищ.

С точки зрения трудового законодательства Саша плохой сотрудник. Опаздывающий. Начальник недоволен. Хмурит брови. Правильно недоволен. Правомерно.

Но с другой стороны, Саша же не проспал. Он просто... замечал. Смотри, начальник. Вот женщина с ребенком. У меня скоро будет такая. Вот котенок, видишь? Хвост трубой. А вот птица важная. Важная, как ты, начальник...

Начальник смотрит. Вздыхает. И говорит, пряча улыбку: «Саша, иди, работай...» Если бы Саша встретил сам себя, он бы, конечно, тоже заметил нарушенную координацию движений и небеглую речь. Но это сначала. А потом он бы заметил живые глаза, любознательность, жадность до новых впечатлений, жажду жизни, брызжущую через край энергию, потрясающую улыбку, море обаяния и выбрал бы замечать главное.

Однажды я придумала проект про мечты. Нужно было писать мне письма о своих не сбывшихся по разным причинам мечтах, и о самых вкусных я рассказывала бы своим читателям, и мы бы их исполняли, как говорится, всем миром.

Люди писали разное. Просили айфоны, вставить зубы, новое платье. Многие просили помочь со сбором денег на лекарство. Были те, кто мечтал о чем-то милом, например о партнере по танцам (в группе, где занимались одни женщины) или о том, чтобы ребенку, мечтающему о лошадях, раз-

решили помогать в конюшне на добровольных началах.

ПРАВИЛА ПРИДУМАНЫ ЛЮДЬМИ, А ЗНАЧИТ,
ОНИ НЕСОВЕРШЕННЫ.

Саша написал мне о своей мечте. Но написал не как остальные. Я сразу заметила его письмо, потому что вместо «хочу жену» он написал «хочу о ком-то заботиться». Хочу прибивать полки, чинить диван и вкручивать лампочки. Для кого-то! Хочу, чтобы какая-то девушка говорила подруге, с которой заболталась по телефону: «Ну, я пошла, а то скоро мой придет».

У Саши простая и милая мечта – он хочет быть «чьим-то». А пока Саша – свой собственный.

В русском языке есть притяжательные местоимения, они указывают на принадлежность предмета и отвечают на вопрос: «Чей?»

Вот Саша мечтал найти ответ на этот вопрос. Чей ты, Саша? Понятно, что мамин, но в сорок лет хочется быть чьим-то еще.

Я написала в блоге про Сашину мечту и про то, что мечтаю провести его свадьбу. И каждый год я прилетаю летом в Калининград и спрашиваю у Саши: «Ну что?»

А он отвечает: «Пока нет».

В этом году мы с ним пили кофе, и он сказал грустно: – Мне кажется, моя судьба – быть холостяком.

Просто мне уже за 40, а по внутреннему настрою мне лет 20. И я застрял в этой молодости, увяз в ней, а надо стареть

и матереть.

– Кому надо, Саш?

– Ну, это как бы правило.

– Саш, ну ты же исключение из правил! Любые правила придуманы людьми, а значит, они несовершенны. Нельзя повернуть время вспять, нельзя не замечать свой ДЦП, нельзя жить неограниченной жизнью, если ты ограничен в возможностях.

Но «нельзя» – это просто слово, слово-шлагбаум, которое придумали люди, чтобы оправдать свои непокоренные вершины. А если ты о нем не знаешь, то живешь так, будто шлагбаумов не существует, и идешь покорять свои вершины, пока не покоришь...

Поэтому Саша не отчаивается и ищет ту, которая не заметит Сашиного диагноза, но заметит его глаза и жажду жизни. Ту, которая готова сесть в его поезд и ехать с ним на край света. Даже туда, где пока нет рельсов. Ту, которая скажет подруге: «Что-то мы заболтались, я пошла, а то мой скоро придет»

Эверест

Наступили такие времена, когда модно быть успешным. Успех в тренде. Он стал товаром, который можно продать.

Простите, у вас есть успех? Дорого? А то мне тоже надо. Меня часто приглашают выступать на различных мероприятиях. Организаторы пишут примерно так: «Вы успешный автор, расскажите, как удалось...», «Ваш блог популярен, расскажите, как...», «Вы счастливая успешная мама, поделитесь секретами...».

Всем нужен успех, победа, триумф. Никто не зовет выступить неудачников.

Однажды я с треском провалилась на краудфандинговой платформе со своим проектом. Не собрала и 20 % от заявленной суммы. Это был громкий и отчаянный провал, несмотря на громоздкую подготовку, долгую и тщательную модерацию и последующий месяц отчаянных попыток собрать деньги на пределе возможностей.

Итог – проект не успешен. Я была подавлена. Ходила по мероприятиям, где выступали те, кто смог собрать сумму. Успешные люди. Не то, что я. Я слушала их, хотела понять, что я сделала не так. И знаете что? Все ответы на «что я сделала не так?» крылись исключительно в моем личном опыте. Только там. Никто из стоящих на сцене и излучающих успех людей не сказал мне ничего такого, чего бы я сама не пони-

мала, пройдя свой путь провала. Даже наоборот. Они весело рассказывали о легкости, везении, о том, что люди р-р-раз – и поверили в их проект. Создавалось впечатление, что найти деньги на проект легко. Найди. Реализуй. И вот так же будешь стоять на сцене.

Я поняла важное: чужой успех может мотивировать, но им нельзя поделиться. Твой путь индивидуален, и на каком этапе случится успех у тебя, не знает никто.

Это как с родами. Ты можешь вдохновиться чужим материнством, мечтать о нем, смотреть фильмы, слушать рассказы молодых мамочек, но рожать тебе самой, растить и воспитывать – тебе самой, и насколько вдохновенно и эффективно получится это у тебя – уже твоя личная история.

Однажды после очередной лекции, где спикер эмоционально вещал о том, как успех свалился на него в одну ночь, мы вышли в холл и на кофе-брейке я спросила мальчика, сидевшего на стуле рядом со мной: «Ты что-то понял?»

– Да, – сказал он. – Надо пробовать, и все получится.

Я поняла, что он не понял ничего. Что он в самом начале пути, на той точке, на которой на платформу входила я. Мне захотелось рассказать ему о своем опыте, рассказать, как это сложно и трудоемко, в чем ловушки, что нужно сделать до того, как придешь на платформу искать деньги.

– Хочешь? – спросила я мальчика. – Хочешь расскажу?

– А ты в итоге собрала бабло? – спросил он.

– Нет, – сказала я.

– А, – сказал он. – Тогда не надо.

Я в его глазах была неудачница, и мой опыт провала при-
мерять на себя никто не хотел.

Во время Второй мировой войны не все американские са-
молеты-бомбардировщики возвращались на базу. А на тех,
что возвращались, всегда оставалось много следов пробоин
от вражеских зениток и истребителей – в основном на фю-
зеляже.

СЕЙЧАС МОДНО БЫТЬ УСПЕШНЫМ. ВСЕМ
НУЖЕН УСПЕХ.

Первое, что приходит на ум, – как-то укрепить этот фю-
зеляж, добавить на него брони. Но венгерский математик
Абрахам Вальд, перед которым стояла задача снизить число
гибнущих самолетов, сказал: «Нет, все наоборот. Самолет,
получивший пробоины в данных местах, на фюзеляже, еще
может вернуться на базу. И возвращается. Укреплять надо
самые «чистые» места. Мы никогда не видели самолетов с
проблемами в этих местах. Потому что попадание именно в
них, по сути, «убивает» самолет, и он уже не возвращается
на базу».

Это явление получило название «систематическая ошиб-
ка выжившего», оно сейчас в тренде, о нем много говорят.
Ну, например, есть много рассказов о том, как дельфины
спасали человека, толкая тонущего к берегу. Отсюда пошла
убежденность в том, что дельфины – добрые, животные-спа-
сатели. Так как информации о тех, кого дельфины толкали от

берега, в самую глубину, убивая тонущего человека, не существует по понятным причинам – выживших нет, мы анализируем лишь статистику выживших. А по сути, там о погибших, если вдруг они существуют (а вдруг?), очень много ценной информации, которую мы никогда не узнаем.

Если взять этот чудный образ и переложить на обычную жизнь, то получается, что все истории успеха, счастливых браков, карьерных высот – это лишь одна сторона медали. Ее тоже, безусловно, полезно анализировать, но без данных о «погибших» – о тех, кто развелся, кто прогорел, кто сошел с дистанции, – эта информация однобока и малоинформативна.

«НАДО ПРОБОВАТЬ, И ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ».

Она не дает ответов, которые можно было бы расценивать как руководство к действию. Сейчас полно мероприятий, куда приглашают успешных людей делиться опытом успеха. А «неудачников» не зовут. А между тем именно неудачники с анализом своих неудач уравновесят эти причесанные истории про победы.

Именно «погибшие» могут рассказать, где стоит укреплять брак, бизнес, дом, чтобы не было пробоин. И неудачи стоит изучать наравне с удачами.

Одно время я периодически писала в своем блоге рассказы про свободных мужчин. Аудитория у меня в основном женская, и посты заходили хорошо. Я встречалась с ними и интервьюировала их. Про кого-то писала с радостью, про ко-

го-то с опаской, про кого-то... вообще не писала.

Одного из неслучившихся героев звали Максим. Мы очень долго не могли с ним встретиться: он жил в Подмосковье и после работы всегда спешил домой («Мне два часа ехать!») отдыхать, а в выходной «тащиться опять в Москву? Да ни за что!» Я никого не уговариваю стать моим героем, поэтому сказала «ок» и решила, что ему не надо. А потом он вдруг позвонил, резко назначил встречу там, где мне было удобно, пришел, сияющий.

– А нас сегодня эвакуировали! – похвастался он. – Говорят, в здании бомба! Всех вывели, а я смотрю: там до конца рабочего дня осталось всего ничего, ну и вышел прямо с курткой, с концами.

– Ой, волнительно. А если и правда бомба?

– Я на это надеюсь, – засмеялся Макс, а я подумала, что юмор слишком черный, чтоб можно было поддержать его в этом смехе.

Макс приехал покорять Москву из крошечного города, «почти деревни», восемь лет назад. О своей нынешней работе отзывался достаточно апатично, о коллегах – неуважительно. Работал он в большой международной компании, при трудоустройстве соврал, что знает английский язык. В принципе в любой момент может всплыть тот факт, что он его не знает, но пока не всплыл – за три года.

– Я вот слушаю тебя, ты о карьере рассказываешь, но так, что вот я тебе не завидую. Ты не выглядишь счастливым.

– Я счастлив только в пятницу. Что два дня впереди, когда я никого из них не увижу.

Потом я спросила, откуда он приехал, и лицо у него изменилось, стало... мечтательным. Он с теплотой рассказывал о своем маленьком городе, о родителях, которые «30 лет даже дома держатся за руки», о том, как он любит, когда приезжает туда в отпуск, во дворе своей пятиэтажки играть на гитаре, и стекаются его послушать все соседи, и он чувствует себя рок-звездой.

Районы, кварталы...

Жилые массивы...

Я ухожу, ухожу красиво...

Мне было очевидно: Макс не покориł столицу, она его не приняла, перемолола и выплюнула. Тут никто не хочет слушать его аккорды, да и не играет он тут никому – чтобы мелодия зазвучала, нужна благожелательная публика, лояльная, включенная. А тут пресыщенные, зажавшиеся культурой и искусством снобы (цитата Макса).

– Ты не хочешь вернуться в свой город? – спросила я в лоб. По нему было так очевидно, что делает его счастливым, что я не могла не спросить.

– Ни за что. Это будет провал. Тогда я в глазах всего города прослышу неудачником.

– Правда? То есть ты изображаешь «удачника», чтобы твои соседи не узнали правду, и на это тратишь свою жизнь? И не считаешь это провалом? То есть твоя миссия – это врать

всем про удачу, которой нет?

– Почему нет? Есть удача! Я живу и работаю в столице, в крупной международной компании, а не на старом заводе, на котором почти весь город наш работает.

– Макс, ты когда в последний раз был на Красной площади?

– Честно? Не помню... А, помню! Два года назад Новый год встречали с девушкой там. Ужасно было. Холодно, давка, дорого, ничего не видно. Мы прямо там разругались и расстались.

– Макс, вот зачем тебе Москва? Я сейчас без ерничества, без высокомерия, вот с любопытством: правда интересно. Есть люди, которые приехали и кайфуют, наслаждаются возможностью жить в эпицентре красоты и великолепия достопримечательностей, которые облазили по 100 раз все музеи и знают легенду каждого кирпичика в брусчатке. К ним вопросов нет. Ты живешь в глубоком Подмоскovie, и каждое утро, распластанный в электричковом часе пик, помятый, приезжаешь в центр, чтобы войти в крутое здание крутой компании, в здание из хрома, стекла и бетона. Пусть все думают, что ты крутой. И, наверное, многие так и думают. Но ты приходишь не работать – ты приходишь терпеть. Терпеть, когда кончится этот день. И эта жизнь. Чтобы потом в час пик ехать домой, злым, уставшим, психованным. И ничто не радует, и на фиг эту вашу красоту. И все выходные ты восстанавливаешь силы, отнятые у тебя Москвой, дома на диване.

Молодой парень, сорока даже нет. А ведь сейчас самое крутое твое время – когда осознанность уже пришла, а болезни еще нет. Реально, Макс, ну, скажи, эта чужая жизнь, самозваная, которой ты живешь, чтобы казаться крутым, стоит того?

МАКС ПРИЕХАЛ ПОКОРЯТЬ МОСКВУ И
ИЗОБРАЖАЕТ «УДАЧНИКА». НО ПОКА ЕЕ НЕ
ПОКОРИЛ.

– Ты грубая. Я смотрю на это по-другому.

– Как?

– Я приехал покорять Москву, просто пока не покорил.

– А что ты делаешь, чтобы покорить, Макс? Ты ищешь другую работу? Другие возможности? Ты учишь английский язык, Макс?

– А когда мне его учить?

– Согласна. Некогда. Ты по будням борешься со столицей, к пятнице она кладет тебя на лопатки, по выходным зали-
зывает раны. У тебя нет сил никого покорять. Ни Москву,
ни девушку. А кому нужно приданое из твоих проблем? Ну,
подумай?

– Вдвоем проще выживать. Две зарплаты.

В этом месте я сказала, что писать о нем не буду. Потому что не понимаю, что он может дать девушке, а что взять у нее – очень даже понимаю.

– Я сразу понял, что не понравился тебе.

– Мне не понравился не ты, а твоя позиция. У тебя есть

возможность жить, а ты выживаешь и параллельно озлобляешься. Потому что живешь чужую жизнь и боишься, что тебя рассекретят.

– Узнают, что я английского не знаю? – наигранно смеется Макс.

– Узнают, что ты украл чужую роль. Несчастлив, а изображаешь счастливого.

– Это все твои блогерские штучки. Красивые слова. По факту я в порядке.

– По факту, Макс, внутри тебя заложена бомба неудовлетворенности собственной жизнью, и она рано или поздно рванет. И лучшее, что ты можешь сделать, чтобы разминировать свою душу, – эвакуировать себя в родной город, твое место силы, сесть во дворе с гитарой и спеть свою песню соседям. И послушать аплодисменты. А потом устроиться на завод, который виден из окна, и вечерами ходить на свидания, в кино с девушками, в спортбары с парнями...

– Я там в отпуске – звезда из столицы. А если вернуться туда, поджав хвост, то не звезда.

– А тут ты звезда? Ты надел блестящий пиджак и думаешь, что ты Фредди Меркьюри? Макс, ну это же до первого концерта...

– Оля, я сильно тебя удивлю: тут все такие.

Мы расстались мирно. Но поста никакого не было, потому что я не поняла, о чем писать. Есть герой, притворившийся героем. Жених, которому нужна помощь, а не свадьба.

Эверест – это высочайшая вершина Земли. Многие хотят забраться выше всех, но это очень сложно. Чем выше, тем сложнее.

Мы все ставим себе жизненные цели. Покоряем свои локальные вершины, свои личные эвересты. Это не кажется критично сложным, когда стоишь на земле. Кажется заманчивым. Но там, на высоте, в холоде и в отсутствие кислорода, это выглядит совсем иначе.

И иногда уже там, на высоте, признаться, что ты не тянешь эту гору, и вернуться живым и невредимым – это не слабость. Это сила и полезный опыт. Там, на вершине Эвереста, целое кладбище из тех, кто думал, что сможет, но не смог. Кто не рассчитал свои силы. И силу Эвереста не рассчитал. Несколько сотен человек. Только вдумайтесь... Высота Эвереста – больше 8000 метров над уровнем моря. На такой высоте – не до морали. И новые путешественники проходят мимо уже замерзших или еще живых замерзающих людей за своими личными подвигами... Потому что поделиться кислородом – это поделиться жизнью.

**ЧЕМ ВЫШЕ, ТЕМ СЛОЖНЕЕ ПОДНИМАТЬСЯ
ДАЛЬШЕ.**

Есть такие альпинисты, которые перед подъемом пишут завещание. Пишут, что, если что, хотят быть похоронены на родине. А это значит, что, если он не вернется, за его замерзшим телом должны подняться спасатели (шерпы), спустить и похоронить на родине. Сколько там тел этих спаса-

телей – не перечесть. В Непале есть даже специальный детский дом – где бесплатно кормят и растят детей этих невернувшихся шерпов... Тех, кто не хотел покорять Эверест, а просто хотел спасти тех, кто хотел, но не смог.

Макс – альпинист. Он выбрал вершину, которую не может покорить, но признаться в этом не готов. Он ищет девушку, от которой, по сути, ждет помощи: пусть она вскарабкается к нему и спасет. Отдаст свой кислород, поделится сладким чаем. И может, в этом нет ничего плохого, да только эта вершина – это его прихоть. Лезть туда нет никакой необходимости, кроме как что-то доказать себе. Например, что ты сильный, умный и крутой. Что ты рок-звезда.

Но ведь есть же миллион других способов это доказать. Но ты упрямо ползешь дальше, кислорода все меньше, сил почти нет – и их остатки уходят на обман всех вокруг, что, мол, все в порядке.

Но сам себя не обманешь и от самого себя не сбежишь. И ты один хранишь эту тайну, и груз этой тайны день ото дня все сильнее прибывает тебя к земле.

Покорить Эверест – это крутой результат. Попробовать покорить Эверест, признаться себе, что не смог, и вернуться живым – не менее крутой результат.

Он не про неудачника, а про человека, который ищет свою вершину. Просто пока не нашел. Районы, кварталы, жилые массивы...

Когда ты понял, что этот путь не твой, просто необходимо

вовремя и красиво уйти.

Ждать

Однажды я смотрела видеоурок игры на гитаре.

Он длился 20 минут.

И назывался логично и честно: «Двадцатиминутный урок игры на гитаре».

Там преподаватель сел перед камерой с гитарой в руках и сказал:

– Дорогие зрители, в комментариях к моим урокам вы часто жалуетесь, что у вас нет времени научиться играть на гитаре. Я вас услышал. Это видео длится 20 минут. Вы видели это, но все равно открыли его, значит, подсознательно готовы потратить 20 минут на этот урок. Так вот, раз главная ваша проблема в отсутствии времени для обучения игре на гитаре, я решил подарить вам... это время. 20 минут. Немного, конечно, но хоть что-то.

После чего преподаватель поставил гитару на стул и вышел из кадра. И еще девятнадцать минут этого видео в кадре просто стояла гитара, прислоненная к стулу.

«Клянусь, это самый лучший урок игры на гитаре из возможных!» – написал кто-то в комментариях. Я засмеялась, решив, что это сарказм.

А вдруг нет?

Интересно, много ли людей действительно играли на гитаре эти 20 минут.

Если честно, я думаю, что не много.

Этот урок – шикарный тест на мотивацию.

Кризис 2020 для всех нас стал тестом. На истинность наших желаний и мотивацию к их исполнению. на возможность заглянуть внутрь самих себя и узнать, что наши мечты оказались вовсе не нашими, да и не мечтами вовсе.

Однажды я опаздывала за сыном в детский сад. Это было в первый и последний раз. Воспитатель был предупрежден, ситуация под контролем. Но мне было изнуряюще плохо. Я понимала, что на глазах сына разобрали всех детей из его группы.

Что он оглядывался на дверь, и каждый раз в нее заходила не я.

И вот сейчас он один, играет в игрушки или смотрит в окно, распластав ладошки по холодному стеклу. В его глазах немой вопрос: «А за мной придут?»

Возможно, прямо в тот момент он получал психологическую травму, а я стояла в пробке и ничего не могла сделать.

Припаркую тему, а в конце рассказа вернусь за ней.

Леша три года подряд мне рассказывал свою идею для стартапа. По секрету. Я в кругу посвященных – это ценно.

ВАШИ ЛИ ЭТО МЕЧТЫ? И МЕЧТЫ ЛИ ОНИ?

Леше казалось, что его идея – бомба, и что, если ее узнают другие люди, они побросают свои дела и побегут реализовывать его идею, и кто-то сделает это даже раньше самого Леша.

– Только ты никому не говори! – предупреждал он каждый раз испуганно.

– Леш, а вот за три года, что ты с ней спишь, ну, с идеей твоей, ты хоть как-то продвинулся? Ну, что-то сделал, чтобы реализовать? – с любопытством уточняю я.

– Я коплю знания. Присматриваю инвестиции. Жду момент. Заканчиваю проект на основной работе. Вот закончу, потом времени побольше будет...

– А, ну ясно.

Лена пишет диссертацию. Много лет. Пишет, пишет, пишет. Всем вокруг, кроме Лены, очевидно, что диссертация ей не нужна. Потому что если нужна, то возьми и сделай. А не тяни резину многолетней прокрастинации.

– Лен, что с диссером? – спрашиваю я во время созвонов.

– Я в вечном цейтноте, никак не найду время. Вот в отпуск пойду, если никуда не уеду, сяду за диссер.

– А, ну ясно.

Катя собирается худеть. Но пока никак: совещания за совещаниями, головы не поднять, приходится кусочничать, пить кофе с сушками. Катя ждет перевода в соседний департамент, там будет попроще.

Павел хочет выучить английский.

– Паш, хау ду ю ду?

– Пока деньги коплю на нормальные курсы, – смеется Паша.

Вокруг меня много людей, которые что-то собираются де-

лать. Это прекрасные люди, хорошие, уважаемые, порядочные.

Но на их мечты, цели и планы пока нет денег, нет возможности и времени.

Они жили и ждали. Ждали, когда будет.

Ждать – это откладывать на потом. На тот день, когда в одной точке сойдутся и возможности, и желания.

Ждать – это немножко инфантилизм. Если, конечно, ожидание не оправдано обстоятельствами. Например, у моей близкой подруги родился ребенок с пороком сердца. Нужна была операция. Но им сказали ждать. Хотя бы три месяца. Малыш должен вырасти, окрепнуть, набрать вес. Вот тут да. Тут нужно ждать. Тут ожидание – это действие, сложное и осознанное.

А просто ждать, когда ситуация сама изменится – это растоптать ладошки на холодном стекле и высматривать маму. Она придет и решит. Решит все твои проблемы, как решала в детстве. Но чаще всего ждать ничего не нужно. Нужно брать и делать. Ожидание – это часто еще и страх облажаться, помноженный на осознание рисков.

**ВСЕ ЧТО-ТО СОБИРАЮТСЯ ДЕЛАТЬ И ЖДУТ
ВРЕМЕНИ, ДЕНЕГ... ОТКЛАДЫВАЮТ МЕЧТУ НА
ПОТОМ.**

Моя подруга очень хотела прыгнуть с парашютом. Хапнуть адреналина. Но изучала статистику нераскрытых парашютов и откладывала. Очень боялась умереть. Упасть с неба

плашмя на землю. Потом ее бросил любимый муж, и терять стало нечего. Она пошла и прыгнула. Двенадцать лет ждала, а тут пошла и сделала.

– Вообще ничего особенного, – сказала она о впечатлениях, – будто исступленно пьешь воздух и сидишь на коленях у чужого мужика (это она про инструктора).

Кризис 2020-го принес с собой новую жизнь и новые возможности.

Люди на месяцы оказались заперты в самоизоляции.

Появилось время, которого раньше не было. Многие сервисы дали бесплатные доступы и подписки к своим ресурсам.

Ну вот же, пожалуйста!

Худей! Учи язык! Пиши диссертации! Пили свой стартап!

Кризис – время ускориться, а не сдать.

Многим из нас дали время и возможности, и мы узнали страшное. Мы узнали, что... не хотели. Что проблема была не во времени и возможностях, а в том, что МЫ. ЭТОГО. НЕ. ХОТЕЛИ.

Думали, что хотели. Нам казалось, что хотели.

Но нет.

Оказалось, что даже бесплатный английский и время на регулярный фитнес и на диссертацию не приблизили нас к результату и что онлайн-продукты придуманы для высокомотивированных людей.

Помните припаркованную тему?

В кризис мы все превратились немножко в детей, забытых в саду. Мы ждали, что кто-то придет за нами и спасет, забереет из этой передрыги и исправит. Но никто не пришел.

И нам, быстро поседевшим детям, надо как-то самим брать себя на ручки, забирать из сада и справляться с травмой.

И знаете, мы наверняка справимся. Если научимся верить в себя, слышать себя, понимать, что мы хотим на самом деле, доверять себе и не ждать помощи извне.

Когда моя дочь потеряла слух после перенесенного менингита, мы сделали ей операцию.

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ, ВСЕГДА
«НЕ ВРЕМЯ».

И теперь у нее под каждым ушком вшиты электроды – это протез слуха. Называется кохлеарная имплантация.

Двадцать два электрода со стороны каждого ушка – это как бы слуховые нервы. Звук поступает прямо в мозг и потом обрабатывается в речевом процессоре, классифицируя звуки на важное и неважное.

Ребенок учится понимать: вот мамин голос – важный, приоритетный. А стук колес поезда – менее важный, неинформативный. А вот птичка поет. Надо спросить у мамы, что за птичка.

Дети учатся слышать и понимать мир.

Для того чтобы слышать и понимать самого себя, не существует кохлеарной имплантации. Когда в собственное серд-

це вшивается переводчик шепота собственного сердца. Нет таких электродов. Надо расшифровывать свои истинные желания самим. Но это интересное занятие для тех, у кого есть на него время. «Сейчас не время», – часто думаем мы, перед тем как отложить что-то, что казалось нам важным.

А я думаю: всегда не время для человека, который просто не хочет.

Умеете играть на гитаре?

Замечать хорошее

Я очень тяжело переношу нелюбовь. Внутри меня с детства живет наивная формула: если ты ведешь себя хорошо, тебя все будут любить, а если плохо – не будут.

Эта формула работала в детстве как скважина, из которой следует добывать похвалу прилежанием. Если в моем дневнике поселилась пятерка, меня гладили по голове, если нет, осуждающе качали головой.

Я усвоила принцип и стала охотиться на пятерки. Школа закончилась, а охота нет. Быть отличницей стало жизненной потребностью.

Но жизнь оказалась многократно сложнее.

Выяснилось, что в моей формуле не учтен ряд важных переменных. Например, тот факт, что разные люди по-разному трактуют понятия «хорошо» и «плохо», что оценка другого человека во многом зависит от внутреннего состояния того, кто оценивает (счастливому человеку проще понравиться, чем несчастному), и что люди априори не должны оправдывать наших ожиданий, и любить нас не должны.

Поэтому если они нас не любят, это не значит, что они автоматически плохие.

И вообще все гораздо сложнее, чем кажется ребенку.

Как-то раз мы с моей дочкой Катей, уставшие после долгой прогулки, ждали автобус. Подошел тот, что не доходит до

нашего дома три остановки, но мы замерзли и решили все-таки проехать, сколько возможно, согреться, а дальше пешком.

И вот пора выходить, а Катя сидит на сиденье воробушком и не хочет.

– Это же еще не наш дом! – спорит она.

– Да, но автобус не идет до нашего, надо выйти и пройти ножками, – поясняю я.

– Я не хочу ножками, попроси автобус. Договорись, пусть довезет нас.

Кате было четыре года, в ее жизни все просто, и можно легко договориться с любым автобусом о смене маршрута и с любым человеком о смене мнения.

Но во взрослой жизни все не так.

Нелюбовь иногда разлита в воздухе и часто спрятана в лицемерной улыбке соседа.

Знать об этом неудобно.

Хочется спрятаться в любовь и не выходить на улицу. Но все возможности именно там, где люди. Много людей. Очень много людей. Кто-то из них будет вас очень любить, а кто-то – нет. И это нормально. Негатив – это обязательное боевое крещение любого публичного человека, даже если он о-о-о-чень хороший. Вы представить себе не можете, сколько хейтеров у Матери Терезы и Альберта Эйнштейна. Несмотря на то, что наличие таких людей – вариант нормы, к этому нельзя подготовиться в теории, как нельзя в теории научиться

кататься на велике. Можно, конечно, прочесть инструкцию, понять принцип езды, изучить колеса-сцепление-педали, но, когда ты сядешь на велик впервые, ты, вероятнее всего, упадешь и пребольно ударишься копчиком.

БЫТЬ ОТЛИЧНИЦЕЙ СТАЛО ДЛЯ МЕНЯ
ЖИЗНЕННОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ И ПОСЛЕ
ШКОЛЫ.

Впервые попав в пекло чужой анонимной ненависти, я сначала растерялась и расплакалась, а потом сильно психовала, бесилась, негодовала, покрывалась экземой. Не могла спать, и думать ни о чем другом больше тоже не могла.

Меня трясло от мысли, что я не могу заставить других людей себя полюбить.

Моя формула не сходилась: я отличница, вот пятерочки – любите меня, ну же, скорее! А они – не любят! Как так? Где сбоит формула? Я в своем блоге раздражалась регулярными ёрническими текстами, где, упаковывая в юмор свою полыхающую злость, палила по хейтерам пулеметной очередью уничижающе-саркастических подзатыльников, не замечая, как сильно я в этот момент уподоблялась тем, кого высмеивала. И только остатки здравого смысла, зажатые в кулачке, не позволяли мне окончательно забыться и посвятить весь свой контент этой войне. Мои читатели, вынужденные свидетели этой схватки, давали мне мудрые и абсолютно утопичные советы. Лидером среди них был совет: «Не обращай внимания!» От таких рекомендаций я бесилась больше, чем

от хейтеров.

Как можно не обращать внимания, научите?

Как можно его не обращать, если вашу душу незаслуженно и регулярно избивают бейсбольными битами своих ошибочных мнений незнакомые люди?

Есть такой цветок – одуванчик. У меня с одуванчиками личные счеты. Эти желтые хулиганы кидают меня на деньги каждую весну. Они красиво цветут на моем дачном газоне, хаотично оживляя желтой мозаикой зеленое травяное покрывало, а потом переодеваются в легкие белые шапочки и при каждом порыве ветра плюются белыми парашютиками в соседей. Соседи, в отличие от нас, люди трудолюбивые. Они начинают косить своих одуванов еще с февраля (это сарказм). Этот вечный покос – одна из причин, почему я не люблю дачу. Соседи не дают выспаться, а их выпяченные пятые точки являются живым укором моей совести. А еще соседи достаточно обидчивые люди: им обидно, что они воюют с одуванами, а с нашего участка прилетают новые сорняки под видом белых парашютиков. Поэтому тех, кто не косит одуванов, садоводы штрафуют. За одуванчиковое тунеядство. Я откашиваю от покоса и первая налетаю на штраф. Я к чему: на любом идеальном газоне всегда есть сорняки. Без этого никак. Хочешь красивое поле – будь готов к сорнякам. На публичном поле хейтеры и есть те самые сорняки. Без них никак. Они сначала веселенькие и яркие, а потом плюются. И даже если вы идеально обработали свое

поле, они на парашютиках налетят с соседнего участка. Тут ни один забор не спасет. Сорняки – это закон природы. Хейтеры – это закон публичного пространства.

ЛЮДИ НЕ ДОЛЖНЫ ОПРАВДЫВАТЬ НАШИХ
ОЖИДАНИЙ И ЛЮБИТЬ НАС ТОЖЕ НЕ ОБЯЗАНЫ.

Хотите публичности – готовьте газонокосилку.

Тут, на публичном поле, без нее никак.

Хейтерство – это как запах изо рта. Ты можешь быть очень умным и успешным, и вполне вероятно, что ты говоришь здравые вещи, но какой в этом толк, если единственное, что вынесут люди из твоего выступления – это то, что ты сэкономил на стоматологе.

Моя подруга пошла на тренинг по продажам. Самое сложное в продажах для нее – отказы. Из десяти человек, которым она предлагает товар, купит один, а девять – пошлют. И вот она пришла отработать этот страх быть посланной.

И им дали такое упражнение: выйти на улицу и там обращаться к прохожим с заведомо неисполнимой просьбой. Например, «Не могли бы вы прямо сейчас купить мне ящик шампанского и отвезти домой на такси?»

Прохожие шарахались и крутили пальцем у виска.

Это был конкурс: кто из участников получит больше отказов.

Спустя полчаса тренер спросил о результатах.

Всем отказали по многу раз.

– Вот, – сказал тренер. – Ребят, вам отказали много раз

подряд, и никто не умер. В отказах нет ничего страшного. Они вообще не про вас. Люди отказывают, когда им не нужна услуга, когда болит живот, не устраивает сервис или когда нет настроения. Может быть миллион причин для «нет». Просто знайте: вам будут отказывать, и это нормально!

Я поняла, что хейтерство – это та же любовь, только в другую сторону. Но понять оказалось мало. надо было принять. принять – это понять сердцем. У меня это не получалось категорически.

В какой-то момент я вообще разучилась замечать хорошее, замечала только гадости.

Однажды я выступала на мероприятии, на которое пришло триста человек участников. Это был отличный результат, людей достаточно много, но организаторы рассчитывали на пятьсот. Они не скрывали, что очень расстроены. А зал был устроен так, что лишние стулья вынести никак нельзя было. Я стала успокаивать расстроенную девушку-организатора, а она вдруг говорит:

– Понимаешь, вот сидят люди, три сотни прекрасных, вдумчивых участников, а я будто их не вижу – замечаю только две сотни пустых стульев.

Я вдруг узнала в ней себя. Поняла, что делаю так же. Столько людей любят мое творчество, а я замечаю только пустые стулья. Какая несправедливость!

Я поняла, что у меня кризис. Самый настоящий. Кризис отличницы, которая никак не научится жить с мыслью, что

может кому-то не нравиться, даже если всем желающим даст списать.

Любовь зарабатывается как-то иначе, и невозможно влюбить в себя человека насильно.

У меня, как у любого ребенка, выросшего в дефиците поощрения и похвалы, в сердечке существует встроенное лукошечко для «молодцов». «Ну скажите, что я молодец, ну пожа-а-алуйста». А когда вместо комплимента-пряничка в мое лукошечко плюют дегтем, я плачу от горечи.

Я решила, что нужно поработать на этот счет с психологом.

Моя подруга – психолог. Я хожу к ней, когда у меня ментальный паралич действия (не пойму, куда дальше двигаться) или когда я буксую и не могу найти ответов. А все ответы внутри, просто в хаосе мыслей, каждая из которых прощмыгнет и сбежит, так сложно поймать за хвостик нужную.

ВАМ ОТКАЗАЛИ МНОГО РАЗ ПОДРЯД, И
НИКТО НЕ УМЕР.

Я рассказала ей свою проблему. Как отчаянно мерзну на сквозняке неприятия, как организм хандрит, мозг не понимает, почему нельзя всех хейтеров догнать, схватить за локоток и объяснить им, что они ошибаются. Я вступаю с ними в перепалки и, даже если коммуницирую достойно и филигранно, все равно чувствую себя проигравшей. Однажды я пять часов вела беседу с хейтером, и результатом стало то, что... ничего. Каждый ушел со своим мнением, а я еще и

несчастливая – ведь я украли сама у себя пять часов времени.

Я долго была хейтером своих хейтеров.

А что, они первые начали!

Я лазала по их страничкам и искала доказательства их никчемности (находила мгновенно, когда ненавидишь – это вообще не проблема). Ведь если они злые, глупые, уродливые, бездарные, то их мнение как бы не считается, правда?

Это ловушка хейтерства – когда ты начинаешь зеркалить чужую ненависть.

Мне очень стыдно за тот период, но он мне был необходим: я побыла в шкуре хейтера и поняла, что это такое.

Публичная ненависть – это громкий месседж, только не о том, кого вы ненавидите, а о том, что у вас нет денег на решение своих очевидных психологических проблем.

– Что для тебя проигрыш, я поняла. А что – победа? Как ты видишь ее? – спросила меня подруга.

Я задумалась. Попробовала ответить.

– Ну, вот сегодня мне написали: «Ты такая нелепая дура», а я в ответ: «Спасибо за мнение». Я довольна собой, не опустилась до склоки.

– Это победа? – уточнила психолог.

– Это я, как говорит мой муж, включила функцию «Иисус». Но нет. Это не победа. Если я отстреливаюсь, я чувствую себя проигравшей.

– Ну а победа? Победа твоя какая? Как ведет себя та женщина, которой ты хочешь стать?

«Та женщина, которой я хочу стать?..» – я задумалась.

– Победа – это если я прочитаю гадость, и мне даже мысленно не захочется вступить в перепалку. Просто потому, что где-то внутри я, проехав все стадии – гнев, отрицание, торг, депрессию, – пришвартуюсь в принятии.

Я часто использую этот инструмент, подаренный мне психологом: думаю о том, какая она – женщина, которой я хочу стать.

Она носит сорок шестой размер.

Она разрешает себе проживать любые эмоции.

Она принимает эти любые эмоции и в других людях.

Ей грустно? Она грустит. Ей весело? Она смеется. Она кому-то не нравится? Она пожимает плечами: значит, так надо.

И да, она обращает внимание на все, что ее цепляет, если считает это правильным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.